НАЧДИВ ИВАН ГРЯЗНОВ

Д. АЛЕКСЕЕВ

SHOUT
SHARE
IT

- Начдив Иван Грязнов
  -
  - 1. Чуда не было
  - 2. «Казаки с тыла!»
  - 3. На штурмовые батальоны
  - 4. За Камой
  - 5. «Привет тебе, Красный Урал!»
  - 6. На Тоболе
  - 7. Даешь Сибирь!
  - 8. «У аппарата генерал Пепеляев»
  - 9. Начальник Иркутского гарнизона
  - 10. В степях Тавриды
  - 11. «Республика смотрит на вас!»
  - 12. Над Чонгаром гул атаки…
  - Вместо эпилога
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

Начдив Иван Грязнов

От голубых уральских вод
К боям Чонгарской переправы
Прошла Тридцатая вперед
В пламени и славе, —

так и поныне поют в строю советские воины о легендарной стрелковой дивизии, родившейся полвека тому назад на горных заводах Урала.

У колыбели Тридцатой стоял Василий Константинович Блюхер — один из первых маршалов Страны Советов В ее рядах мужал и креп воинский талант дважды Героя и Маршала Советского Союза Константина Константиновича Рокоссовского.

С историей старейшего и прославленного соединения Советских Вооруженных Сил неразрывно связано и имя нашего земляка-уральца Ивана Кенсориновича Грязнова, вся юность которого прошла в боях и походах.

Ему, двадцатитрехлетнему начдиву, под чьим командованием 30-я стрелковая дивизия закончила «университеты гражданской войны», и посвящен этот документальный очерк.

Книга «Начдив Иван Грязнов» написана на основе исторических документов, воспоминаний соратников и близких героя. Людям старшего поколения она откроет страницы их боевой юности, а нашу молодежь познакомит с героической жизнью тех, кто был в первых рядах борцов за власть Советов.

Автор благодарен за помощь в работе, которую ему оказали ветераны дивизии: С. Н. Богомягков, И. К. Смирнов, А. К. Окулич, С. П. Галунов, А. В. Бархатов, Н. И. Егоров. Много добрых советов он получил от М. М. Бабушкина, Н. В. Воскресенского, М. Д. Голубых, П. А. Гузина, В. А. Зубова, Я. М. Кривощекова, Н. П. Паначева, В. А. Чертополохова. М. Е. Шутылева, а также от Г. Л. Блюхер-Безверховой, А. К. Грязнова, А. К. Грязновой, Д. А. Грязновой, Л. Воронковой-Аронет, А. К. Вострецовой-Кожевниковой и В. М. Калмыкова.

Общественная редколлегия, члены штаба боевой летописи Урала: *Л. Парамонов, М. Голубых, А. Свирин, П. Кондратенко, Н. Мыльников.*

«Дорогие товарищи!

Примите мое сердечное поздравление по случаю 45-летней годовщины дивизии.

Горжусь тем, что и на мою долю выпала честь состоять в ее рядах в годы гражданской войны. Как в то время, так и в годы Великой Отечественной войны дивизия являлась образцом проявления беззаветной преданности советскому народу и ленинской Коммунистической партии.

Своими ратными делами она снискала уважение и любовь советского народа.

От всего сердца старого воина желаю Вам успеха в Вашем почетном труде на благо нашей социалистической Родины».

Маршал Советского Союза К. Р о к о с с о в с к и й.

Из приветственной телеграммы гвардейской Иркутско-Пинской ордена Ленина дважды

Краснознаменной орденов Суворова и Трудового Красного Знамени имени Верховного Совета РСФСР дивизии от 2 ноября 1963 г.

1. Чуда не было

В июньский ведренный день у видной избы Поташек остановился конвой.

— Принимай, начальник! — выкрикнул старший. — В Березовке словили…

Главарь скатился с крутого крыльца волостной управы, недобро глянул на арестованных. Их было двое: один — в гимнастерке без пояса, другой — в матросской тельняшке. Руки связаны, на шеях удавки, только рванись — вмиг схватят намертво.

— Х-ха! — выдохнул сивушным перегаром и ткнул молодого в гимнастерке. — Отговорился, председательский выкормыш. Агитатор. Не жди, больше слушать не будут… Кончай их, ребята!

Засвистели плетки. В ход пошли батоги. Сбили с ног. Удавки перехватили дыхание. Горячая дорожная пыль забила глаза.

— Амба, — донеслось до угасающего сознания.

А жизнь только начиналась…

Кулаки поднялись чуть не по всей округе. Красные флаги были сорваны в Емашах и Ногушах. Бабий плач, начавшийся в Малых Устиках и Поташках, докатился и до Амеровки. Затворы клацали редко, бандиты берегли патроны про запас. Активистов Советов били прикладами, кололи штыками, бросали живьем в могилы и, трамбуя сапогами, злорадно кричали:

— Вот вам земля! Вот воля ваша.

Против мятежников выступил коммунистический отряд рабочего поселка Арти, что затерялся среди невысоких гор юго-западнее Екатеринбурга. Им командовал большевик-фронтовик Трифон Иванович Шевалдин. На второй день артинцы соединились с отрядом Ивана Михайловича Бабушкина, по пятам которого от самого Ново-Златоуста гналась кулацкая банда. У Шевалдина было только тридцать семь бойцов, у Бабушкина — пятьдесят один. Повстанцев — сотни две.

Шевалдин не растерялся. Построил красногвардейцев в плотное каре. Строго-настрого приказал без команды не стрелять. Врагов встретили точными винтовочными залпами с близкого расстояния. Те ответили вразнобой. Непривычных к стрельбе коней кулаков взял испуг. Бандиты повернули и пустились наутек. Только белый пух еще долго кружился в воздухе: у многих вместо седел были подушки, наперники которых разошлись по швам.

Вслед за артинцами в села, охваченные восстанием, направился Красноуфимский рабочий отряд под командованием

Якова Семеновича Анфалова. Тогда же в уездном центре был создан военно-революционный комитет, который возглавил председатель Красноуфимского уисполкома Кенсорин Назарович Грязнов.

Первые донесения от Шевалдина и Анфалова были обнадеживающими. Красногвардейцы за четверо суток выбили бандитов из семи деревень и сел. Но предревкома ходил мрачным, сутулился, тянул левой рукой книзу усы. «Не сберегли мы, отец, Ванюшку», — слышался причитающий голос жены.

Принимая новые донесения из отрядов, Кенсорин Назарович ждал, что вот в каком-нибудь из них прочитает: «Отбили, Назарыч, Поташки. Все должное воздано». Но командиры таких сообщений не слали.

…Непоседой рос сын. Жили тогда в поселке Михайловском. Летом Ванюшка в бору да на речке пропадал. Купался до посинения. Увлеченно играл в бабки, в тычок. Зимой возводил с друзьями ледяные крепости, затевал на них долгие снежковые баталии. В играх был честен, смел.

Школьником сын запомнился отцу почему-то меньше. За уроки силой не усаживали — все на лету схватывал. Приходскую школу кончил первым учеником. Пришлось расщедриться: послал учиться в Арти, а потом и в Екатеринбург, в коммерческое училище.

А там война. Школа прапорщиков… Боевым командиром вернулся с германской Ванюшка. Немцы целым и невредимым оставили, а здесь, дома, свои же порешили…

Под окнами заржал осаженный с ходу конь. Председатель ревкома поспешил на крыльцо. Прибыл связной от Шевалдина. Пакета не протянул, доложил на словах:

— Разбили нас в Ильчигулово. Войско оттудова прет, — ткнул плеткой в сторону юга.

Кулачье обрело сильных покровителей. Из башкирских лесов высыпали крепко сбитые белогвардейские отряды подполковника Войцеховского и поручика Рычагова. На север рвались и чехословацкие мятежники, захмелевшие после первых военных удач. Контрреволюция шла в наступление, замахивалась на весь Урал.

По небу гуляли зарницы. Рождали их не далекие грозы, а сполохи близких пожарищ. 25 июля белочехи ворвались в Екатеринбург. Неделю спустя красные покинули поселок Арти. Фронт вплотную приблизился к Красноуфимску.

Члены военно-революционного комитета торопились завершить формирование двух регулярных полков. В первый сводились отряды, действовавшие до этого под руководством

старого большевика Александра Лукича Борчанинова. Намечалось, что он займет и пост командира. Но Уралобком распорядился по-иному, утвердил Борчанинова комиссаром 4-й Уральской дивизии.

И тогда-то по городу разнеслась необычнейшая новость: живым объявился сын Кенсорина Грязнова, и именно ему предложено командовать 1-м Красноуфимским полком.

…Когда кулаки схватили в Березовке Ивана, его старшая сестра Настя кинулась к ним, умоляя не бить безоружного.

— И ты туда же, краля! А этого не хошь? — осклабился кулацкий сын Пашка Домрачев и плетью полоснул ее по лицу.

Девушка покачнулась.

— Иди, пока цела!

Вслед за Настей с малым Витюшкой на руках из избы выбежала мать, Пелагея Ефимовна. Избитые в кровь, сын и его товарищ матрос Сергеев были уже связаны. Домрачев процедил с коня:

— Вишь, не трогаем боле. На суд поведем. Жди, что в Поташках решат.

Мать хотела идти за сыном, но рядом оказалась Настина подруга Ася Кузнецова.

— Не надо, — остановила Грязнову. — Как бы хуже не вышло. Я пойду…

Ася вернулась в пятом часу вечера. Понурив голову, зашла в избу.

— Суда не было. Забили их, сволочи, и бросили. Теперь за других взялись…

И тут же к Насте:

— Бежим туда. Вдруг не до смерти? Вдруг живые еще?!

Мать уже ничего не слышала. Сдернула с головы платок, уткнулась в него и тихо запричитала.

По задворкам пробрались за околицу и дальше бежали не дорогой, лесными тропами. В пути девушек застала гроза. Ливню только обрадовались: не будет лишних встреч.

И в Поташках никому из чужих на глаза не попались. Притаились около больницы.

— Где бросили, там и лежат. Не зарыли еще, — сказала Ася.

Стемнело. Девушки покинули убежище, и тут заметили, что их опередили: подле замученных суетились какие-то люди. Четверо, вроде, и все низкорослые. Кто бы это?

— Да не дрожите, черти! — цыкнул один баском. — Чухаться некогда. Беритесь, понесли.

Настя по голосу узнала шестнадцатилетнего Максимку Пономарева. Не мешкая, к нему:

— Куда? Зачем?

— Приказ есть.

— Дай хоть осмотреть их.

— Нельзя. Яков Ананьич спешить велел. Может, и выживут.

— Выживут? Правда?.. Ася, сюда, скорее!

Взялись за носилки, понесли. Максимка увлек всех к бараку, что стоял на отшибе больничных построек.

— Там же тифозные! — спохватилась Настя.

— И хорошо, — ответствовал на ходу Максимка. — К ним бандиты не больно-то сунутся.

Встретив санитаров, фельдшер Михайлов распорядился спустить носилки в подполье. Эти двое ему были знакомы. В первый раз он осматривал их еще днем по приказу Домрачева. Тогда заключение было коротко:

— Ухлопали ребят. Мне тут делать нечего…

Схитрил, однако, старый фельдшер: в битых смертным боем еще теплилась жизнь. Но то было часов пять назад. А как сейчас?.. Хорошо хоть ливень прошел, освежил…

Яков Ананьевич долго не произносил ни слова. Но вот распрямился, смахнул со лба испарину и отрывисто сказал:

— Йод. Камфору. Быстрее!

Сутки шли за сутками. Настя безотлучно находилась подле спасенных. В селе не появлялась. Все, что требовалось, добывала Ася. Яков Ананьевич наведывался только по ночам, и то не каждый день.

Три недели действовал подпольный лазарет.

Потом пришло спасение. Однажды ночью бойцы красногвардейского отряда Чесалина застигли бандитов врасплох и выбили из села.

Той же ночью Чесалин переправил Настю и Ивана в поселок Михайловского завода, куда несколькими днями раньше перебралась Пелагея Ефимовна. Настя сразу кинулась в заводскую контору и после долгих звонков связалась с Красноуфимском.

— Спасибо, дочка. Спасибо, родная. Ване, Ване, приветы, — только и сказал отец.

Кенсорин Назарович Грязнов — председатель Красноуфимского уездного исполкома и военно-революционного комитета, член КПСС с 1918 года.

Вскоре из города прискакал нарочный с запиской от предревкома. И на этот раз Кенсорин Назарович был краток, написал сыну всего несколько слов:

«Рад за тебя. Если на ногах, приезжай ко мне. Ты здесь очень нужен. Жму руку. Твой папа».

В тот день Иван ни разу не прилег, даже близко к постели не подходил. «Не терпится, видно, отцу показаться», — решила Пелагея Ефимовна и под вечер сказала сыну:

— Ладно уж, отпускаю. Только в войну не ввязывайся. Лечиться тебе, да лечиться, сынок…

— Долечусь, мама, долечусь, — ответил Иван и засобирался в дорогу.

Два дня спустя Кенсорин Назарович представил сына членам ревкома.

— Не рано ли, Назарыч? Погляди, на парне лица нет…

— Не рано, — ответил за отца Иван. — У меня с ними особые счеты.

— Коли так, помогай нам. В боевых делах ты обучен, революции верен. Тебе и командовать нашим первым полком, — ответили члены ревкома.

Получив мандат, Иван Грязнов выехал в Манчаж, где формировался 1-й Красноуфимский полк РККА. Там оказалось много знакомых. Он предстал перед ними вроде бы таким, как и прежде, — невысокий, одетый в старую шинелишку, с потертой фуражкой на голове, но глянули на бинты, на землисто-серое лицо командира и усомнились:

— Кенсориныч! Ты ли? — воскликнул Трифон Шевалдин. — И как живым-то остался?

— Остался, товарищи. Выдюжил, — через силу улыбнулся Грязнов и, нервно стиснув зубы, процедил: — А били крепко, сволочи. Но одного не забили, а всех и подавно не смогут!

…Заместителями Грязнова назначили бывшего красноуфимского военкома Алексея Матвеевича Артемьевского и Трифона Ивановича Шевалдина[1]. Командование батальонами приняли Гордеев, Найхин и Матвеев. Отряды артинских, саранинских и пермских красногвардейцев, а также группы добровольцев из Сажино, Ногушей, Березовки и Поташек составили стрелковые роты, командирами которых стали Пермяков, Дьяков, Куринов, Тарасов, Другов, Овчинников, Карпушкин, Бочкарев и Буров.

14 августа 1918 года все организационные дела были завершены. 1-й Красноуфимский стрелковый полк двинулся на Старые Арти.

> «Впереди 9-й роты, — сделал первую запись летописец полка, — шли руководители боя: командир полка Иван Кенсоринович Грязнов, начальник пулеметной команды Матвей Иванович Шевалдин и его помощник Александр Степанович Мигачев. Эти три героя первыми бросились на врага. Следом за ними вступила в бой под «ура» и вся 9-я рота. Старые Арти были заняты. Противник отступил».

2. «Казаки с тыла!»

Командир 1-го Красноуфимского полка поднялся в добром настроении. Порадовал Найхин. На рассвете его батальон выбил белых из поселка Бисертского завода. Грязнов задумался над тем, как лучше развить достигнутый успех, но неожиданно позвонили из штаба дивизии. Сообщение было тревожным. Дрогнул весь левый фланг 3-й армии. Белогвардейские части начали быстрое продвижение вдоль линии железной дороги на Кунгур. Иван Кенсоринович озабоченно покусал губы и сказал ординарцу:

— Скачи к Найхину. Пусть немедля отходит. Всем приказано отходить.

— Поздно, — проговорил кто-то за спиной. Грязнов обернулся — на пороге стоял незнакомый боец в мокрой шинели.

— Откуда вы?

— От Найхина. Батальон окружен. Выйти можно только вплавь через пруд, но сильно мешают огнем.

С отходом командир полка решил повременить. Прежде сделал все возможное для того, чтобы выручить бойцов Найхина. Короткие отвлекающие удары других рот несколько обезопасили их переправу через пруд. Батальон вышел из окружения в половинном составе.

Четверо суток отрывались от преследователей. Оставили Манчаж, Юву, Криулино, Верхнюю Сарану. Прошли уездный центр. Сил для защиты города не было. Советские учреждения из Красноуфимска эвакуировались.

И вот достигли назначенного строгим приказом рубежа. Остановились в шести верстах южнее Суксунского завода.

Грязнов распорядился оборудовать окопы по склонам горы Песчаной. Стрелки рыли ячейки метрах в пятнадцати-двадцати друг от друга. Отделения готовились драться за роты, взводы — за батальоны. Молчали бойцы, даже завзятые весельчаки забыли шутки-прибаутки. Грязнов неторопливо вышагивал вдоль линии окопов. Бойцы узнавали его по особым сапогам, голенища которых были выше колен, и знакомой фуражке. Обычно Иван Кенсоринович носил ее лихо, по-юнкерски. Сейчас козырек был надвинут на самые брови, и многим казалось, что и без того невысокий командир сдал в росте.

Поторапливать бойцов не приходилось, трудились на совесть. Грязнов свернул самокрутку, прикурил от зажигалки и принялся в который уже раз оценивать подходы к Песчаной от Янчаково. Оттуда, видать, и попрут беляки на прорыв к Кунгуру. Две дивизии — 3 и 4-я Уральские — должны остановить их.

Дивизии!.. Если начистоту, то и бригадами их трудно назвать: и в той и другой только по два стрелковых полка, обескровленных, измученных.

На севере второй день пальба и снарядное уханье — это отбиваются полки 3-й Уральской. «А сколько мы продержимся? — подумал комполка. — Резервов-то никаких!»

О том же тревожились и члены Реввоенсовета 3-й армии. Они телеграфировали командующему Восточным фронтом, что армия переживает критические минуты, что срочно нужны резервы. Фронт отвечал: «Мы бессильны чем-либо помочь…»

Дойдя до правофланговой роты, Грязнов хотел было повернуть обратно, но его удержали чьи-то испуганные голоса. Командир резко обернулся. С тыла бежали повозочные.

— Обошли нас! Обошли! — кричали те. — Конница прет. Казаки!

Вдали действительно мельтешила какая-то темная масса. Похоже, конница.

Роты в спешном порядке развернулись для отражения атаки с тыла. Пулеметчики выкатили «максимы» на новые площадки. Стрелки защелкали затворами. Вскоре силуэты первых всадников стали хорошо различимы. Двигались они почему-то походной колонной. «Не подвох ли?» — заволновались бойцы, наблюдая за конными сквозь прорези прицельных планок.

— Смотрите! Смотрите! — неожиданно выкрикнул молодой пулеметчик Иван Парамонов. — Флаг-то какой! Ура! На-аши!..

Соседи зашикали:

— Тише! Ослеп, что ли, со страху?

Но пулеметчик оказался прав. Через несколько минут в этом убедились все и, как по команде, кинулись навстречу конникам. Грязнов не отстал от самых прытких. Забыв про солидность положения, мчал наперегонки с бойцами и в числе первых достиг всадников, шедших под алым стягом.

— Где командира найти? — спросил приземистый в бурке с красным бантом.

— Я, — подался вперед Иван Кенсоринович. — Грязнов — командир 1-го Красноуфимского…

— Карташев, — козырнул старший конной группы. — Командир 1-го Оренбургского социалистического казачьего полка имени Степана Разина. Из отряда Блюхера мы.

— Не слышали про такой, — качнул головой Грязнов.

— Это верно, — с улыбкой отозвался Карташев. — Про нас и Москва, и армия четыре месяца ничего не слышали. Да не потерялись, как видишь. От Троицка через Белорецк к вам, на север пробивались. Не веришь еще? Ладно, вот и бумага есть.

Читай. Нам тут вместе теперь оборону держать.

Прочтя переданный ему документ, Грязнов поднялся на пригорок, помедлил, а потом резко выбросил левую руку и звонко скомандовал:

— Ста-новись!

Красноармейцы проворно и ладно построились.

— Товарищи! — торжественно произнес Иван Кенсоринович. — Это — наши братья. Это — красные казаки! Они пробились к нам из глубокого вражеского тыла. Пробились, чтобы в единении с нашими уральскими войсками бороться и бить заклятую белогвардейщину…

Рассыпались красноармейские шеренги. Не ожидая на то особого приказа, начали спешиваться и конники. Жали друг другу руки, обнимались, менялись кисетами, делились куревом.

— За табачок спасибо. Забористый!

— Это с отвычки. Средний…

— Говори! После листвы такой и конягу свалит.

— А притопали как с такого далека?

— А так вот, с винтовкой да шашкой.

— На конях-то можно…

— И пехота шла с нами.

— Ну! И много?

— Шесть полков прикрывали. В каждом штыков по тысяче, считай.

— Это сила!

У командиров времени на долгие перекуры не было. Александр Ермолаевич Карташев знакомился с обстановкой, изучал разведданные о противнике. Он согласился с Грязновым, что наиболее опасное направление — район Янчаково. Взвесив все «за» и «против», командиры полков выработали общий план обороны и боевого взаимодействия.

Теперь красноуфимцы смогли сократить разрывы между ротами и батальонами и добиться большей плотности огня. За свой правый фланг они уже не беспокоились: его надежно прикрыли спешенные сотни разинцев, а позади, в ельнике, Карташев расположил конный резерв. Туда же отвели нерасседланных лошадей спешенных подразделений.

— Это как бы вторым резервом будет. Двину первый, пойдет дело, сразу и спешенных на коней, чтобы уже всей лавой гнать беляков взашей. Понял?

— Наступать, значит, думаешь? — оживился Грязнов.

— А ты, что, против?

— Хорошо, как удастся…

— Воевать, да не наступать — лучше не воевать, —

рассудительно проговорил Карташев.

В тот же вечер, перепоручив полки заместителям, оба командира верхом выехали в Кунгур в штаб дивизии. По дороге Иван Кенсоринович узнал, как создавались первые в республике красные казачьи части, как в борьбе с дутовцами креп их союз с красноармейскими и рабочими полками. Когда Карташев рассказывал о партизанском главкоме, Грязнов не удержался, спросил:

— Блюхер? Нерусский, наверное?

Карташев улыбнулся:

— Белогвардейцы его «фон Блюхером» кличут, шумят, что он немецкий генерал, продавшийся большевикам. Да и где им поверить, что простой мужик провел за собой многотысячное войско и бил их, где только не попадались под руку. Но ты знай и своим втолковывай — наш Василий Константинович, русский из русских. Ярославский он. Вырос в деревне, после рабочим стал, в шестнадцатом в партию вступил. На германской крестов, медалей, ну и ран, конечно, вот так наполучал. Словом, боевик настоящий.

Первый начдив 30-й дивизии В. К. Блюхер, впоследствии Маршал Советского Союза.

В Кунгуре новостей было много. 4-я Уральская дивизия, состоявшая до этого из двух красноуфимских стрелковых и кавалерийского имени Володарского полков, разрослась чуть ли не втрое. Штаб 3-й армии направил на ее усиление все восемь партизанских полков, в рядах которых было шесть тысяч шестьсот пятьдесят штыков и сабель при ста двух пулеметах и восемнадцати орудиях.

Начальником обновленного соединения Реввоенсовет утвердил Василия Константиновича Блюхера.

Утром Грязнов прибыл для представления новому начдиву. Его встретил скромно одетый шатен лет двадцати восьми. Поздоровавшись, дотронулся рукой до небольших усиков (видно, тоже недавно отращивать стал) и пригласил садиться.

— И сколько же вам? — спросил Блюхер.

— Двадцать один…

— Только-то! А в боях давно?

— Еще с германской. Участвовал в прошлогоднем печально известном июньском наступлении.

— Но раны-то свежие?

— Да.

— Хватает выдержки?

— Строя еще ни разу не покидал, — настороженно ответил Грязнов.

— Да я не об этом. Не волнуйтесь, — успокоил Блюхер. — Воевать нам да воевать… А что представляет ваш полк?

— Крепким считаю. Драться готов до конца.

— А Анфалова?

— Нашему мало в чем уступить может.

— Это хорошо. Так вот, — произнес начдив, поднимаясь из-за стола. — Вызвал вас не только для знакомства. Принято решение о создании бригад. Первую образуем из бывшего состава дивизии. Три других комплектуем из партизанских частей. Командовать ими будут Иван Каширин, Павлищев и Томин. Комбрига 1-й пока нет, но… кандидат имеется. Комиссар Борчанинов и другие товарищи рекомендуют вас. Что скажете на это?

— Не ожидал. Только не рано ли? Ведь и на полк прямо из ротных попал.

— А я и взводом не командовал, — улыбнулся Блюхер. — Так что дерзайте, комбриг. Революционные бои для нас — лучшие академии!

Субботний день 21 сентября 1918 года был объявлен в Кунгуре днем митингов и манифестаций.

> «Сегодняшний день, — сообщала дивизионная газета «Часовой революции», — город Кунгур посвящает Красной Армии. Праздник у нас совпал с приходом героев революции — уральских рабочих и трудовых казаков с товарищем Блюхером во главе… Все на улицу! Все на праздник в честь наших красных боевых молодцов, в честь цвета Красной Армии — блюхеровских отрядов».

Моросил дождь, но его не замечали. Гремели оркестры, пелись революционные песни. После митингов на круг вышли плясуны. Партизаны удивляли задором, энергией. Короткими были веселье и отдых. Начдив подписал боевой приказ: завтра на позиции.

> «Товарищи! — обращался Блюхер к соратникам по партизанским боям и походам. — Вы имели законное право, прорвавшись на соединение с нашими товарищами по оружию, рассчитывать на отдых, но, к сожалению… обстановка для наших войск, действующих в этом районе, сложилась крайне неблагоприятно… Вот почему, не считаясь с усталостью, во имя спасения завоевании революции нам приходится выступить на позиции».

Были в приказе и слова, посвященные красноуфимцам:

> «Уверен и в том, что боевые товарищи, вступающие в нашу семью из состава бывшей 4-й дивизии, несколько упавшие духом под неудачами последних дней, забудут тяжелые дни и в дружном натиске сломят зарвавшегося врага и разобьют наемников буржуазии».

До своих Иван Кенсоринович добрался уже глубокой ночью. Артемьевский бодрствовал. При встрече доложил:

— И вчера, и сегодня тихо было. Не начинают, словно боятся чего-то.

— Верно, Матвеич, боятся, — согласился Грязнов. — Пронюхали, видно, какие силы теперь у нас. Обороне конец. В наступление пойдем!.. А сейчас вызывай сюда Анфалова и командира володарцев.

— Удобно беспокоить-то? — спросил Артемьевский.

— Комбриг вызывает.

— Не шути. Откуда он взялся? Где?

— Перед тобой, — и, прищелкнув каблуками, четко сказал: — Командир 1-й Красноуфимской бригады Иван Грязнов… А полк принимаешь ты.

Первое совещание командиров у комбрига закончилось под утро. Иван Кенсоринович сообщил, что по приказу штаба армии дивизия с линии Богородское — Суксунское — Осиновское должна развернуть наступление на Красноуфимск и Бисертский завод. Замысел начдива таков: не спешить, дождаться атак противника. Пусть он введет в действие все наличные силы. Когда это произойдет, кавалерийские полки дивизии ударят по флангам

врага и тем самым обеспечат успех контратак стрелковых полков.

Обсудив боевые задачи, решили вопрос о составе штаба бригады. В помощники Грязнов пока взял двух человек: Федора Бочкарева — начальником оперативной части и Николая Воскресенского — делопроизводителем. Должности телефонисток доверили Марии Вознесенской, и Вере Половинкиной. Ездовыми назначили красноармейцев Дракина и Бурцева.

Минуло воскресенье. Отстучали дождями еще четыре дня недели. Противник активности не проявлял. Но в ночь на пятницу вздремнувших в сырых окопах бойцов неожиданно подняла на ноги гулкая очередь «максима»: дежурный пулеметчик Иван Парамонов заметил крадущихся во тьме белогвардейцев. Отговорил пулемет, и опять воцарилась тишина. Красноуфимцы заняли боевые ячейки, но, помня приказ комбрига, огня не открыли. Посчитав случайной короткую пулеметную очередь, белогвардейцы распрямились и ускоренным шагом двинулись в гору.

Красноармейцы молчаливо подпускали неприятеля ближе. Еще ближе. Время. Иван Парамонов дал новую очередь. И враз заговорили все огневые средства. Атака врага провалилась. Их выкошенные цепи повернули вспять.

Во второй раз противник двинулся на Песчаную перед самым рассветом. Этой атаке предшествовала сильная артиллерийская подготовка. Неприятельские батареи буквально засыпали позиции красноуфимцев снарядами и шрапнелью. Но отрытые в полный профиль окопы спасли бригаду от больших бед.

Красные батарейцы сработали лучше. Едва наступило затишье, они снялись с закрытых позиций и на руках выкатили орудия за линию обороны стрелковых полков. Предрассветные сумерки и туман скрыли их перемещение.

Артиллеристы первыми встретили цепи врагов. Они расстреливали их прямой наводкой. В разгар боя у одного из орудий оборвался спусковой шнур. Наводчик Иван Бабушкин зацепил пальцем разводное кольцо и потянул на себя.

— Оторвет ведь!

— Не голова, не единственный, — отозвался Бабушкин, делая резкий рывок.

Грянул выстрел. Наводчика тряхнуло, но все обошлось благополучно.

— Заряжай! Воюем дальше, — крикнул он товарищам.

Занимался рассвет. Фигуры врагов виделись, как мишени в тире. Красноармейцы даром патроны не теряли.

В девять утра комбригу доложили: на левом фланге дивизии достигнут успех. Красные казаки Верхнеуральского

кавалерийского полка под командованием Семена Галунова отбили у белогвардейцев Молебский завод. По команде Грязнова из засады вышли володарцы и Карташев. Разинцы на широком галопе устремились в обход правофланговой группировки врага.

Выждав несколько минут, Иван Кенсоринович вымахнул на бруствер (не пережил в себе ротного). Бойцы рванулись за комбригом.

— Ура-а! — загрохотали красноармейские роты.

> «Отбив все атаки неприятеля, полк по приказанию старшего командования перешел в наступление, — говорилось впоследствии в представлении 1-го (262-го) Красноуфимского стрелкового полка к награждению Почетным революционным Красным знаменем. — Несмотря на усталость и потери, стремительным ударом сбил противника и занял линию Александровск — Ачит. Затем в течение двух дней полк форсированным маршем вышел на линию Красноуфимск — Ялым. Таким образом, упорной обороной и лихим ударом полк выполнил возложенную на него задачу, разбив противника в составе Иркутской дивизии Гривина и Красноуфимского добровольческого отряда поручика Рычагова».

1-й Красноуфимский полк положил начало. Он пробил брешь в боевых порядках белогвардейцев.

Дивизия развила успех. Белые были отброшены от Кунгура за линию рек Сылвы, Балтыма, Бисерти и Уфы. На пятые сутки наступления полки бригады Грязнова первыми вошли в родной Красноуфимск. Это событие командующий 3-й армией Р. И. Берзин отметил специальной телеграммой.

> «Приветствую в лице вашем ваши доблестные войска за новую победу, взятие Красноуфимска, — телеграфировал он В. К. Блюхеру. — Результаты этой победы наш заклятый враг скоро почувствует. Вперед без страха и сомнения, славные герои революции. От лица службы благодарю».

3. На штурмовые батальоны

Шел первый день нового 1919 года.

1-я Красноуфимская бригада отступала. Бойцы тяжело шагали переметенным Осинским трактом. Рядом под белыми шапками дремали мохнатые ели. В лесу тишина, стужа даже ветрам крылья прихватила.

Бригада спешила к Каме. Грязнов отдал коня раненым и грелся ходьбой. Думалось разное. На память пришла слышанная еще от деда Назара примета: как встретишь Новый год, так и проживешь его. Стало не по себе. Иван Кенсоринович сердито ругнул себя: «Поддался побасенкам».

Вышел из колонны, свернул на обочину. Поплясав на снегу, утоптал крепкую площадку. Расправил под ремнем складки шинели и приосанился, как на смотру. Бойцы видели обращенное к ним живое открытое лицо и с удовлетворением отмечали, что комбриг, как и в добрые времена, энергичен и бодр.

— Подтянись, подтянись, ребята! — звонко выкрикнул он. — Иль не вас командарм орлами Урала величал? Выше головы, земляки!

Люди зашагали четче, перестали супиться, цепляться за пятки идущих впереди.

Комбриг смотрел на бойцов и думал: сколько же в них силы, полгода в боях, и в каких… Ушедший год был нелегким. В Красноуфимске долго не продержались, соседи не помогли закрепить успех. Вернулись в старые окопы на склоны Песчаной.

В обороне простояли шестьдесят суток. Во второй половине декабря был сдан Кунгур. Начдив издал строжайший приказ: «Отступать медленно, задерживаясь на каждом рубеже и селении». Так и отходили бойцы Грязнова.

Под селом Орда вновь встретились с Иркутской дивизией полковника Гривина. 24 декабря колчаковцы цепями пошли на снежные окопы бригады. Отбиваться пришлось целый день. А когда наступила тьма, контратаковали сами, навязав рукопашную на улицах села.

Но праздновать победу не пришлось: в ту же ночь на севере случилась катастрофа, части 29-й дивизии оставили Пермь и отступили за Каму. На левом берегу остались только полки 30-й (такой номер 4-я Уральская получила после включения в нее частей 3-й дивизии).

Под Новый год Блюхер приказал бригаде Грязнова совершить марш в район Осы и закрепиться так, чтобы противник не смог с ходу форсировать Каму и вклиниться в стык между частями 2 и 3-

й армии.

…Грязнов давно сошел с обочины и теперь шагал рядом с бойцами. Тревожные мысли не отпускали его. Начдив предписывал «ни в коем случае не отрываться от флангов соседей». Как ни заботились об этом, правый фланг оставался обнаженным.

Но комбриг был тем собранней, чем сложней обстановка. Он максимально ускорял движение бригады, чтобы вырвать время для подготовки обороны на новых рубежах.

Полки вышли к Каме. Без спешки заняли оборону. Толково распределили огневые средства, наладили надежное взаимодействие. Не опоздала и артиллерия. А сколько хлопот было с ней на марше! Особенно с гаубицами, которые вначале похода разобрали. Стволы приспособились везти на дровнях. Для лафетов мастерили и сани, и лыжи всяких конструкций, но ничто не выдерживало, все рассыпалось. Тогда гаубичники снова собрали орудия, подпряглись к лошадям и потянули гаубицы своим колесным ходом.

Что и говорить, артиллеристы в бригаде — народ особый, каждый второй — коммунист. Тут и ветераны партизанских боев, тут и канониры Кронштадтской береговой во главе с комбатам Аркадием Сивковым.

Да вот он и сам.

— Орудия на местах, — доложил комбригу. — Позиции оборудованы и НП подобрали хороший.

— Спасибо, друг, — сказал Грязнов и покрутил пуговку с якорем на черной шинели артиллериста. — Только боюсь за вас. Уж больно ребята ваши заметны. Как галки на снегу…

— Не беспокойся, близко не подпустим. А прикажешь, и в атаку пойдем. Пуганем одним видом.

Через день к Осе подошла только что прибывшая на фронт 7-я Уральская дивизия горных егерей князя Голицына. В ее состав входил и 25-й Екатеринбургский полк, шефом которого был сам Колчак. Загремела округа.

> «На всем участке 1-го Красноуфимского полка идет жаркий бой. Со стороны противника введены в дело три полка и несколько сотен кавалерии. Все атаки противника отбиты… Перед нашим расположением валяется масса трупов», —

доносил Грязнов начдиву на третьи сутки разыгравшегося сражения.

Иван Кенсоринович безотлучно находился на переднем крае. Не покидал сражающиеся роты и военком бригады Мяги.

Комиссар прибыл в бригаду три месяца назад. В армии до этого никогда не служил, был сугубо штатским питерцем, к тому же и в годах, в отцы командиру годился.

Советами по командной линии Мяги особо не докучал, но в воспитательной работе сразу занял положение непререкаемого авторитета. И первого в оборот взял ни кого-нибудь, а самого Грязнова.

— Ты, Иван Кенсоринович, как я понял, человек строгий. На войне без этого нельзя. Но одной строгостью не возьмешь. Красному командиру прежде всего с душой подходить к людям надо. А ты бываешь крут не в меру, — высказал как-то с глазу на глаз. — Умей, брат, и отходчивым быть.

Не вскипел, не заспорил тогда Грязнов, сдержался себе на удивление.

Другой раз Мяги задел еще больше.

Это было после ноябрьского собрания, на котором коммунисты давали клятву до тех пор не слагать оружия, пока хоть одна белогвардейская сволочь будет на советской земле. В бригаде усилился приток заявлений в партию.

— Комиссар, а за меня поручиться можешь? — не утерпел и комбриг.

— Как за боевика, всем сердцем, — ответил Мяги и тут же добавил: — Но хотел бы в тебе и такого же умелого политического вожака видеть.

«Мудришь, старик. На речи-то ты мастер. А каким на деле будешь?» — обиделся тогда Грязнов.

Под Осой раскрылся настоящий воинский характер комиссара. Пулям кланялся редко. Всегда был там, где требовалось призывное слово и личный пример коммуниста.

Утром 8 января над полком Артемьевского нависла угроза полного истребления.

— Сам поведу анфаловцев в контратаку. Иного выхода нет. Только этим спасем бригаду, — заявил комбриг.

— Я с тобой, — коротко произнес комиссар.

И вот навстречу егерским пулям рванулись седовласый и юный, ведя за собой бойцов. Они были рядом и в гуще штыковой схватки.

Десять суток не стихали жестокие бои под Осой. Наступление княжьего войска было остановлено, горные егеря за Каму не прошли.

12 января подтянулись запоздалые резервы 2-й армии, и только тогда бригада Ивана Грязнова получила долгожданный отдых. Похоронили убитых, переправили в тылы раненых.

В деревнях, куда отошли полки, закурились дымки над

банными избушками. Бойцы до изнеможения хлестались вениками, пулями вылетали на снег и снова кидались в парное пекло. Взводные надрывались до хрипоты:

— Совесть имейте, ироды! Люди вас ждут!

Да где там…

Потом самоварничали, отсыпались, снимали трехнедельную щетину, а с нею и последнюю усталость смертельно тяжких дней.

И вдруг…

— Поднимаюсь! Трево-ога! — прокричали по избам дневальные.

Бригада получила приказ: в кратчайший срок, любыми силами, в любом составе выйти в район Очерского завода. Чем вызвана такая спешка, не объяснялось.

И снова двинулись по морозу, заснеженным узким проселком. Головные дозоры угадывали его по едва заметным санным колеям.

На ночлег в деревни не заходили. Ложились в снег при кострах, при них и поднимались. Сборы под звездной крышей проходили быстро. Комбриг торопил полки.

К вечеру 18 января бригада достигла места назначения. Старший квартирьерского разъезда на ходу доложил, что Блюхер уже здесь и что полки могут нынче заночевать в избах поселка и окрестных деревень.

Грязнов немедля направился к начдиву.

— Молодец, комбриг! Молодец, что и говорить! — по-братски просто встретил Блюхер. — За Осу спасибо, за то, что к нам в Очер в самое время подоспели, тоже спасибо.

Расспросил о потерях, о настроениях бойцов. Прошелся по горенке раз, другой. Остановился. Положил на плечо Грязнову руку и мягким баритоном произнес:

— Знаю, досталось вам… Но обстановка такова, что надо снова идти в бой. Наши разведчики перехватили приказ генерала Пепеляева. Части 1-го Сибирского корпуса с рассветом пойдут на Павловский и Очерский заводы. Главный удар будут наносить штурмовые батальоны.

— Это те, которых Колчак своей гвардией называет?

— Они.

— Не встречались еще…

— Теперь придется. Ударная бригада полковника Рубановского сосредоточилась здесь, в Дворецком, — придвинув карту-десятиверстку, указал Блюхер. — Ваша задача — перехватить, разбить ее батальоны на пути до Очера и взять Дворецкое. Нужен сильный упреждающий удар. Будет он — будут спутаны все карты Пепеляева…

Начдив сообщил Грязнову, что еще 5 января в Вятку прибыли члены специальной комиссии ЦК РКП(б) и Совета обороны Ф. Э. Дзержинский и И. В. Сталин, которым поручено расследовать причины сдачи Перми и оказать помощь местным организациям в возрождении боеспособности частей 3-й армии. За первые две недели представители ЦК сделали многое. Упорядочили работу штаба и тыловых учреждений армии, наладили снабжение войск, укрепили полки наиболее пострадавшей 29-й дивизии. На фронте уже появились и новые подразделения — батальоны ВЧК и тысячный отряд лыжников, по-зимнему обмундированный и вооруженный скорострельными пушками и пулеметами.

— Положение армии становится более прочным, — заключил Василий Константинович. — Республика ждет от нас смелых и решительных действий, и мы должны доказать, что способны на это.

19 января в 3.30 полки Грязнова были уже на ногах. Бойцам 2-го Красноуфимского предстояло следовать к Дворецкому по прямому пути.

— Везет тебе, Семеныч. Топать много не придется, — поддел Артемьевский Анфалова перед расставанием.

— Говори! — буркнул Анфалов.

За этими незлобивыми шутками командиры полков скрывали предбоевую озабоченность. Задачи у каждого были трудными: одному принимать на себя лобовой удар штурмовиков, другому, после маневра по лесам, завершить дело контратакой с фланга и тыла.

Прошло несколько часов. Когда зимний рассвет высветил белую колокольню церкви Дворецкого, от села донесся звенящий хруст снега.

— Они! — пролетело по окопам первого батальона.

Анфаловцы взялись за винтовки. Наступающих пока было не видно, но печатный ритм шагов все нарастал и нарастал.

Красноармейцы поспешили с огнем. Далекие залпы не нанесли штурмовикам урона. Те, словно на показном учении, перестроились в цепи и двинулись на сближение. Это были отборные головорезы Колчака. Они еще не знали поражений. У них была особая тактика: в атаке не ложиться, наступать, расстреливать и опрокидывать противника, шагая в полный рост.

Первый батальон не выдержал такого натиска, и марширующая лава опрокинула его. Два других оказались более стойкими, панике не поддались и встретили врага дружным огнем. Штурмовики не пригнулись и теперь. Они шли перекатами, цепь за цепью.

Но вот заговорили орудия Аркадия Сивкова. Заслышав их уханье, красноармейцы почувствовали себя увереннее. Но даже снаряды не сломили зловещую цепь, как заведенная, она приближалась все ближе и ближе.

Анфалов нетерпеливо глянул на часы. Стрелки показывали без пяти девять: «Не все еще потеряно, Артемьевский вот-вот должен ударить».

Чуть приподнялся и скорее угадал, чем услышал, — там, далеко впереди, за селом, загремела пальба.

Комбриг не ошибся во времени общей атаки: хотя с большим трудом, полки установили боевую согласованность. И дрогнули штурмовые батальоны, смешались их ряды…

Было около двенадцати, когда Анфалов направился с докладом к командиру бригады. Припадая на протез, он шагал по улицам освобожденного села. Войдя в штабную избу, Анфалов застал комбрига за допросам пленного.

Грязнов обернулся и торопливо встал:

— Жив, Семеныч!

— Я-то жив, но сколько наших полегло…

Большой ценой заплатила 1-я Красноуфимская бригада за победу под Дворецким, но сила ее примера была огромна.

В наступление перешла 3-я бригада И. С. Павлищева. Затем в штыки ударили красноармейцы бригад И. Д. Каширина и Н. Д. Томина. Белогвардейский фронт был прорван.

> «Братский привет славным бойцам вашей дивизии, разгромившим штурмовые батальоны врагов родной России. Сталин, Дзержинский», —

так отметили геройский порыв Тридцатой члены комиссии ЦК РКП(б) и Совета обороны.

Прислал свою телеграмму и Революционный военный совет Восточного фронта:

> «Второй день 29-я и 30-я дивизии успешно продвигаются вперед, гоня перед собой противника, который только накануне указывал в своих приказах, что перед ним разложившиеся части 3-й армии. Реввоенсовет всегда был уверен, что временные неуспехи частей 3-й армии не могли сломить ее революционного духа, мужества, и теперь как нельзя лучше неожиданный для противника переход в наступление подтвердил эту уверенность».

4. За Камой

31 января 1919 года В. К. Блюхера назначили помощником командующего 3-й армии. Командование 30-й стрелковой дивизией принял Николай Дмитриевич Каширин.

Сын потомственного казака Верхнеуральского станичного атамана, подъесаул казачьих войск, заслуживший шесть офицерских орденов, и вдруг — командир пролетарской дивизии! Можно ли верить ему?.. Для кого как, а для бойцов 30-й дивизии этого вопроса не существовало. Каширин пользовался в соединении не меньшей популярностью, чем Блюхер.

Все знали, что весной 1918 года Николай Дмитриевич организовывал первые в стране красноказачьи отряды, а воевать с дутовцами пошел уже большевиком. Он был героем легендарного партизанского рейда. Вместе с Блюхером прорывался из окружения от самого Оренбурга.

Перед отъездом Василий Константинович побывал в Нытве, в штабе 3-й бригады. В тот день Грязнов наведался к соседям. Проводы начдива отметили торжественным обедом, состоявшим из каши и морковного чая. Громких речей не произносили. Хоть и небольшой поселок Нытва, но и в нем отыскался профессионал-фотограф. После обеда все вышли на улицу и расположились перед камерой. Павлищев сел справа от Блюхера, Грязнов — через товарища слева. Был он все в той же видавшей виды старой шинелишке. Блюхер участливо спросил:

— Не мерзнете?

Командный состав 30-й стрелковой дивизии (сидят, слева направо): М. В. Калмыков, В. А. Зубов, И. С. Павлищев, В. К. Блюхер, начштаба Цветков и И. К. Грязнов.

— Где там, дела-то все жаркие…

— Не хорохорьтесь. Смотрите на Павлищева: и сам, и все командиры его давно уже в барчатках ходят! Да и вообще, — понизив голос, посоветовал: — пока рядом стоите, учитесь у Ивана Степановича. В боевых делах — мастак, я ведь тоже в его школе был.

— Спасибо, Василий Константинович. Учту.

Блюхер уехал в Вятку. Завьюжил февраль. Полки к Перми не пробились. Вновь потянулись оборонные дни.

Боевые действия в ту пору развертывались в основном вблизи населенных пунктов. Термин «круговая оборона», как таковой, еще не существовал, но полки 3-й бригады уже по всем правилам пользовались законами этого боя. Занимая участки обороны, командиры располагали подразделения и огневые средства не только по фронту. Надежно укрепляли фланги, учитывали возможность появления противника с тыла. Грязнов не преминул взять опыт товарищей на вооружение своей бригады.

По душе комбригу пришелся и другой прием. В ту снежную и суровую зиму павлищевцы широко практиковали так называемое «подмораживание», где главное было — выдержка и храбрость бойцов. При наступлении противника красноармейцы как можно дольше не открывали огня, давая атакующим приблизиться на самую короткую дистанцию. Затем пускали в ход все огневые

средства. Вместе с расстрелянными в снег зарывались и уцелевшие: бежать по метровым сугробам у них не было сил. После паузы бойцы делали стремительный бросок к закоченевшим белогвардейцам. Многие даже на ноги не могли подняться. Так, лежа и сдавались в плен…

Применив «подмораживание», полки Грязнова вконец измотали «непобедимых» штурмовиков. В груде трупов, оставленных колчаковцами на заснеженном поле, оказался и их вожак — полковник Рубановский.

Так прошел февраль. А в марте все круто изменилось Изменилось к худшему.

Сибирская армия генерала Гайды нанесла внезапный удар встык между позициями 2 и 3-й советских армий. Колчаковцы переправились по льду через Каму, ворвались в Оханск, овладели Осой.

В разгар новых ожесточенных боев 2-я бригада 30-й дивизии, которой командовал младший брат начдива Иван Каширин, получила приказ перейти от села Токари к деревне Петрово. Но случилось непостижимое. Комбриг отвел свои полки в противоположную сторону, к селу Балезино.

Противник воспользовался этой ошибкой, вклинился в образовавшуюся брешь и окружил бригады Томина и Павлищева.

На фронт срочно выехал помкомандарм Блюхер. Энергичными и решительными действиями он приостановил отступление левофланговых частей армии, а затем обеспечил выход из окружения полков Николая Томина и Ивана Павлищева.

16 марта части 30-й дивизии собрались воедино и заняли линию обороны Крез — Дебессы — Таловая.

Тогда же на совещании командиров и комиссаров бригад начдив Н. Д. Каширин строго осудил поведение брата и отстранил его от командования бригадой.

Вскоре по решению Центра Верхнеуральский кавалерийский и Оренбургский социалистический имени Степана Разина казачьи полки во главе с Иваном Кашириным покинули леса Удмуртии и направились в Бузулук, в распоряжение командования Южной группы войск Восточного фронта.

Беды, как говорят в народе, компанией ходят. Не оправились от одних, привалила новая: 29 марта разрывом неприятельского снаряда был смертельно ранен Павлищев.

В день похорон Павлищева во всех частях дивизии проходили траурные митинги. Выступая перед красноуфимцами, Грязнов срывающимся голосом говорил:

— Не стало, товарищи, нашего большого друга. Не стало Павлищева. Слушайте, к вам обращается Реввоенсовет армии:

«Убит командир 3-й бригады 30-й дивизии Павлищев… Со скорбью, с грустью и отчаянием склоним мы свои знамена перед его могилой, но склонив их, мы дадим клятву, что эти знамена вновь будут развеваться над нами. Под ними мы пойдем к победе, чтобы на могилах наших вождей построить прочный, незыблемый памятник им — царство коммунизма!»[2].

…Весеннее наступление колчаковцев преследовало далеко идущие цели, но декабрь не повторился. Вятку не постигла судьба Перми. Еще на дальних подступах к городу части 3-й армии измотали врага. Распутица на вятских полях была для советских частей доброй союзницей. Кое-как дотянувшись до берегов Кильмезя, колчаковцы окончательно завязли здесь.

Полки 30-й дивизии теперь имели трехзначные номера: от 262-го до 270-го включительно. Большие цифры звучали внушительно, напоминая, что Красная Армия растет и мужает. Это, собственно, видел каждый: пополнения все шли и шли.

Иван Грязнов радовался этому, хотя вместе с радостью приходили и заботы: нужно было сделать немало, чтобы повысить боевую сколоченность, выучку, дисциплину пополненных частей.

Обстановка позволяла держать на переднем крае только дежурные подразделения. Остальные от зари до зари трудились в тылах, совершенствуя огневую и тактическую подготовку. Там крепла и духовная закалка новичков. Коммунисты-агитаторы долгих лекций не заводили, работали накоротке, при каждом подходящем случае. Больше всего Грязнов ценил партийцев бригады за то, что они всегда там, где труднее, где требовались особое мастерство и отвага. Вот недавно, только командование и политотдел дивизии бросили клич: «Бывалые бойцы — на пулеметы!», коммунисты откликнулись первыми. Во взводе Михаила Бабушкина, например, все двенадцать бойцов — члены партии, и все двенадцать вместе с взводным заявили: станем пулеметчиками.

Учились они прямо на передовой, закрепляли теорию боевой стрельбой. Там же и по тактике держали экзамены. Однажды пулеметчики оказались в кольце врага.

— Сдаваясь! Бросай оружие! — кричали им колчаковцы.

Коммунисты рук не подняли. Решили пробиться. Первым полз, взвалив на себя убитого командира, Михаил Бабушкин. Рядом держался раненый Григорий Нехороших. Наводчик Лавров и младший брат Бабушкина — Алексей следом катили «тачкой» тяжелый «максим». Подносчик Русинов шел замыкающим, волоча за собой коробки со снаряженными лентами. С боем брали метр

за метром. Прорвались. А выйдя к своим, с ходу поддержали новую атаку пехотинцев.

В пору отходов и обороны наградами высшего командования отмечались немногие. Но разве можно было отнести подвиг коммунистов-пулеметчиков к разряду будничных, обычных дел? Командир с комиссаром впервые послали «вверх» наградное представление. Реввоенсовет армии удовлетворил их ходатайство и постановил вручить Михаилу Бабушкину[3] и его товарищам серебряные часы с надписью:

> «Честному бойцу Красной Армии от Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов».

5. «Привет тебе, Красный Урал!»

Наступил май. Вместе с долгожданным теплом он принес стране добрые вести с юга Восточного фронта. Дивизии Фрунзе перешли в могучее контрнаступление, разбили Западную армию белых и повергли в бегство ударный корпус Каппеля.

Во многих сводках о действиях Южной группы войск особо подчеркивались героические дела недавних однополчан тридцатников — красных казаков бригады Ивана Каширина. Благодаря кавалеристам, был взят Бугуруслан, они же первыми ворвались на улицы Белебея.

264-й Верхнеуральский стрелковый полк, прежде подчинявшийся И. Каширину, теперь был включен в состав бригады Грязнова. Боевые удачи земляков взбудоражили верхнеуральцев. Полк захватил митинговый азарт: он требовал отправки на юг.

Грязнов и комиссар Мяги немедля выехали к верхнеуральцам. Командир полка встретил их тем же агрессивным наскоком:

— Видите, прав оказался Иван Дмитриевич. Там главная борьба. Там и развернуться смогли вон как! А мы? Шагу вперед не сделали. Все в грязи топчемся…

— Да, Иван Каширин таков, — спокойно ответил Мяги и сразу спросил: — А за нас с вами кто здесь оборону держать будет?

Погорельский насупился:

— Я что, народ спросите…

— За тем и приехали. Собирайте всех, кто свободен, — и, повернувшись к Грязнову, комиссар посоветовал:

— А выступать придется тебе, Иван Кенсоринович. Люди должны знать, что их командир думает.

Выйдя к бойцам, Грязнов сдержанно поздоровался и безо всяких предисловий начал:

— Что ж, значит Верхнеуральск ваш, а Пермь и Кунгур нет? Выходит, пусть каждый воюет за свой город, за свое село, за свою станицу?.. Нет, мы служим в Красной Армии, и пролетарская солидарность для нас превыше всего. Мы прокладываем дорогу к счастью не только себе, а всей бедноте, всему трудовому люду.

Ряды ответили разноголосым гулом. Выждав, комбриг продолжил:

— Мы с комиссаром вчера были в 3-й бригаде у богоявленцев, в 269-м полку. Их завод от Белебея, сами знаете, куда ближе, чем ваши станицы. А чтобы к домам ближе подаваться, никто и речи не ведет. О другом люди думают. «Просим уменьшить наш

хлебный паек с 600 граммов до 400. Отчисленный хлеб передавать детям Москвы. Просим передать рабочим Москвы, Петрограда и нашему вождю товарищу Ленину, что скоро пойдем в наступление. Пощады врагу не будет. Победы добьемся обязательно!» — так ответили они на успехи дивизий Фрунзе. Это — интернационалисты! А вы?

— Наступать-то и мы готовы…

— Где там! Все митингуете.

— Будет, комбриг. Подковал и будет, — нетерпеливо тряхнул бородой пожилой красноармеец. — Скажи лучше, когда и мы двинемся?

— Двинемся, товарищи. Скоро двинемся и так, что до самой Сибири погоним Колчака…

— Вот и оратором становишься, — заметил Мяги, когда возвращались в бригаду. — Только зачем богоявленцев пристегнул? Ведь не были там.

— Но письмо-то их вместе читали. Ну, а прибавил так, для крепости.

— И то верно…

Вскоре у верхнеуральцев побывал и начальник дивизии Николай Дмитриевич. Поговорил с земляками начистоту, и полк окончательно вошел в русло прежней жизни.

Уезжая из бригады, Каширин приказал комплектовать группы из смелых боевиков и учить их решительным наступательным действиям с преодолением крупных водных преград.

— Значит, за Каму махнем? — не сдержался Грязнов.

— Не загадывай. Всему свое время…

Но газеты торопили это самое время и звали вперед.

> «Товарищи, все на Урал! Уральский хребет ныне — главная баррикада рабоче-крестьянской России! — призывали аншлаги и плакатные подписи. — Весь Урал к зиме должен быть наш! Солдаты Красной Армии, на Урал, на баррикаду!..»

Никогда еще Иван Грязнов не видел, чтобы люди так жадно тянулись к газетам. «Правда», «Красный набат» и свой дивизионный «Красноармеец» переходили из рук в руки. Ротным чтецам не было покоя: по нескольку раз, от строки до строки перечитывали товарищам каждый свежий номер.

Наконец, был дан приказ о начале общего наступления. 5 июня в предрассветные сумерки комбаты и ротные властным кличем «Даешь Урал!» подняли из окопов бойцов.

К исходу вторых суток наступления 1-я Красноуфимская бригада выбила колчаковцев из Нового и Старого Колесура, а

также из Селт и Сектыря. Сосредоточились в районе деревни Шадринка. Около полуночи Иван Кенсоринович Грязнов открыл совет командиров. Решали, как развивать наступление дальше.

Под чистым июньским небом о том же толковали и бойцы.

— Порыв не терпит перерыва.

— Лиха беда — начало.

— Теперь пойдем, брат…

На стороне врага все еще оставался перевес в силах. Против красноармейских полков девятиротного состава дрались пепеляевские части, имевшие шестнадцать рот. Да и роты были разные: у наших — по 120 штыков, у неприятеля — по 150.

Но наступающие были неизмеримо сильней морально. На самые тяжелые участки боя шли коммунисты. Партийцы первыми ударяли в штыки, увлекая за собой остальных.

Пять долгих месяцев понадобилось колчаковцам, чтобы пробиться от Камы к берегам Вятки. Обратный путь они проделали куда быстрее. Уже 21 июня 1919 года в журнале боевых действий 30-й дивизии появилась запись:

> «Части 1-й бригады вышли на линию правого берега реки Камы от деревни Казанка до деревни Родинка».

Зимой Кама бойцам Грязнова как-то не приглянулась. Замерзшая, переметенная снегами, не удивила ни красой, ни ширью. До любований ли было? Теперь — не то: стояло лето, и не отступали, а с победой шли. Всюду слышалось:

— Так вот ты какая!

— И впрямь, красавица!

Зачарованно смотрел на Каму и комбриг. Не хотелось уходить от берега. Но звали дела. Надо было подтянуть тылы, разыскать мастеров для ремонта трофейных катеров, предстояло наладить связку плотов, достать лодки из окрестных деревень, а главное — тренировать и тренировать группы десантников.

30 июня подготовка к форсированию была закончена. Вечером, перед броском за Каму, решено было отдохнуть. На полянах, под разлапистыми елями поднялись сцепившиеся штыки винтовок. Бойцы разбились на группки. В каждой говор, в каждой про свое толкуют.

Иван Кенсоринович пришел к землякам 262-го Красноуфимского полка. Бойцы потянулись к нему. Громкие разговоры забылись. Посидели, помолчали, а потом, не сговариваясь, затянули песню. Ее сложили артинцы 3-й роты, сложили о себе, о родном заводе, но песня и другим пришлась по душе, незаметно стала любимой во всем полку.

Запели тихо, с печалью:

За Камой там, в предгориях Урала,
Где черный бор к забвению ведет,
Где тишина траву заколдовала.
Стоит старинный Артинский завод.

Второй куплет зазвучал сильнее, мужественней:

Трудились там годами мы над лавой,
Умели только молоты держать,
Но вот, на сабли косы переплавя,
За власть Советов вышли воевать…

Песня была долгой: с каждым памятным боем к ней добавлялись новые и новые строки.

«Что сложат песенники после Камы? — подумалось Грязнову. — И как все будет там, на уральском нашем берегу?»

Разведка приносила обнадеживающие сведения. Боеспособность армии генерала Гайды катастрофически падала. Некоторые части ждали красных не для борьбы, а для перехода на их сторону. Вот и вчера разведчики доставили любопытный документ.

«Товарищи! — обращались солдаты одного из закамских полков. — Как можно скорее гоните белую шантрапу. Но очень не стреляйте. Мы офицеров сами перестреляем, добровольцев и штурмовиков тоже. А мобилизованных не троньте, потому что они насильно из деревень выгнаны пулеметами. Так вот, товарищи, в добрый час! Забирай Пермь!»

«В добрый, так в добрый. Хорошо, если так и станет. Меньше смертей. Быстрее Урал вернем, — думалось Грязнову. — А с кем-то свидеться удастся?»

Он опустил руку на полевую сумку, где лежала газета «Красный набат» с короткой заметкой «Герои нашей борьбы». В ней говорилось:

«В Вятской губернской больнице от тяжелой болезни скончался заведующий губернским пленбежем Кенсорин Назарович Грязнов… Он всей душой рвался на Урал, где осталась его семья, с которой он потерял всякую связь еще в мае 1918 года… Завтра вершинам Урала и твоей дорогой семье, товарищ, мы скажем:

— Привет тебе, Красный Урал!»

Скорбью делу не поможешь. Комбриг поднялся, вынул старинные отцовские часы. Время.

— Теперь, ребята, самое главное — быстрота.

Когда десантники, переплыв реку, ринулись на штурм неприятельских окопов, старенькая шинель и потертая кожаная фуражка комбрига замелькали впереди. Не мог он в таком бою отказать себе в праве быть первым…

Форсировав Каму одновременно у села Туродачий, Оханска и Усть-Нытвы, бригады 30-й дивизии устремились на восток.

1 июля 1919 года 29-я стрелковая дивизия освободила Пермь, а передовые батальоны 21-й дивизии вступили на улицы Кунгура.

— Наши идут! — летела по городам и поселкам Урала радостная молва.

В Екатеринбург в числе первых пришла 28-я стрелковая дивизия под командованием Владимира Азина. Дороги 30-й дивизии оказались более долгими. Но и ее полки успели стать участниками парада, который проходил на Верх-Исетской площади только что освобожденного Екатеринбурга.

Там и разыскал Грязнова порученец Азина.

— Вас ждут, товарищ комбриг.

— Кто?

— Сестры[4]. Вот адрес.

— Визовская больница? Знаю, найду. Спасибо, друг.

Больничный адрес не смутил Ивана Кенсориновича: Настенька — медичка, а Аня, видать, в помощницах при ней. Но как попали сюда?

Встреча оказалась нерадостной. Старшая сестра не врачевала больных: ее подкосил тиф. Исхудавшая, с отметинами рваных ран на лице, Настя дотронулась до алой ленточки на груди брата и залилась слезами.

— Ты не волнуйся, Ваня, — успокаивала Анна. — Кризисы миновали. Ваш приход помог лучше всяких лекарств. А знал бы, какой она была месяц назад? Совсем не жилец. Спасибо маме, послала меня к ней. Ведь одна, совсем одна была… А сколько до этого мук приняла, сказать страшно!

…Когда советские войска оставили Красноуфимск, Пелагее Ефимовне Грязновой объявили, чтобы она вместе с детьми собиралась на высылку в Сибирь.

Настя решила пожертвовать собой, но спасти близких. Пришла к коменданту Костьке Курашкову и заявила:

— Берите меня. Делайте, что хотите, а мать с ребятами не трогайте!

Такой «добыче» враги обрадовались. Настю отправили, как когда-то брата, на «суд» в Поташки. Допросы вел тот же Пашка Домрачев. Угрожая расстрелом, требовал от девушки публично отречься от отца и брата и выдать всех оставленных ими «красногвардейских шпионов».

Настя молчала. Шесть недель томили ее в одиночке, терзая каждодневными пытками на допросах. Ничего не добившись, повели на расстрел.

Обреченных было двенадцать человек.

Местом казни выбрали ложок близ деревни Перепряжка. Остановили. Зачитали приговоры каждому из смертников. Но только взвели курки, из темноты внезапно выскочил верховой и протянул старшему какую-то бумагу.

— Приказано Грязнову не трогать.

— Хитры! — процедил начальник конвоя. — Учуяли, что Кенсорин с Ванькой опять близко подошли, за шкуру свою испугались. А ну, девка, выходь из строя!

…И снова тюрьма, снова пытки. На смену кулацким сынкам пришли колчаковские контрразведчики. Эти мучили более изощренно, но тоже ничего не добились.

В конце марта 1919 года Настя вырвалась на волю. Дома оставаться было рискованно. Тайком пробралась в Екатеринбург и вызвалась быть сестрой милосердия в бараках, где лежали в сыпняке пленные красноармейцы. Ухаживала за ними, пока не свалилась сама…

Грязнову разрешили съездить к матери.

К проводам отпускника готовилась вся бригада. В каждой роте писали письма: после почти годичной безвестности бойцы и командиры получили возможность дать знать о себе родным и близким.

Перед отъездом комбригу вручили объемистый мешок почты. Но он не казался таким тяжелым, как полевая сумка, где рядом с сообщением о смерти отца лежал большой список тех земляков, которые сами ничего и никому уже не могли сказать о себе…

6. На Тоболе

Все дни, пока сын был дома, Пелагея Ефимовна оплакивала мужа. Иван молчаливо ходил по избе. Он немало повидал смертей на своем недолгом веку, но утешать людей в горе так и не научился. И сейчас хотел одного — скорее вернуться к товарищам.

Семнадцатилетний Александр, который за последний год здорово вымахал в росте, уговорил брата взять его с собой.

Когда тронулись в дорогу, со стороны трудно было угадать, кто из них старше. Сашок шагал рядом с Иваном, сутулясь, как отец, и по-мальчишечьи досадуя, что обошел ростом брата-комбрига. Мать провожала сыновей до околицы. А после долго смотрела вслед со слезами на глазах, с новой тревогой на сердце.

Брат Ивана Грязнова — Александр Грязнов.

…Бригаду догнали только за Шадринском, в Каргаполье, и то лишь потому, что ее вывели в резерв. Остальные части и штаб дивизии по-прежнему находились в движении.

Дела бригады и стремительные темпы наступления не позволили Ивану Грязнову своевременно представиться новому руководству дивизии. В штаб он выехал лишь когда переправились через Тобол.

Николай Дмитриевич Каширин еще в Екатеринбурге был назначен комендантом Оренбургского укрепленного района. В

должность начдива вступил бывший начальник штаба Сергеев, а его место занял начальник оперативного отдела Богомягков. В Шадринске в дивизию прибыл и новый военком В. М. Мулин.

Евгений Николаевич Сергеев служил в старой армии в чине подполковника генерального штаба. Солидную военную подготовку в прошлом получил и Степан Николаевич Богомягков. Это были типичные военспецы, преданные Советской власти и верящие в силу созданной ею Красной Армии.

Как-то в дни весенних побед Колчака один из помощников при докладе Сергееву посетовал:

— Неужели еще откатимся?..

— Может быть, и «еще», — спокойно ответил начальник штаба. — Но все это только эпизоды. В конечном счете мы разобьем Колчака. Это неизбежно, ибо правда за нас, и все лучшие силы России с нами…

Когда же советские войска на Восточном фронте перешли в могучее контрнаступление, Сергеев, не колеблясь, заявил:

— Теперь будем двигаться до самой Сибири. Колчак сдаст Урал. Сдаст почти без боя, иначе ему конец.

Волевой, энергичный в боевой обстановке, Сергеев в периоды затишья становился каким-то удивительно вялым. Все дела обычно передоверял помощникам, сам зарывался в книги, запасы которых пополнял при каждом подходящем случае, или же с упоением играл на виолончели. Кстати, другого багажа, кроме ящика с книгами да железного футляра с этим громоздким инструментом, у Евгения Николаевича не было.

Грязнов предполагал, что и сегодня застанет нового начдива за каким-нибудь из этих занятий: пора вроде была тихая. Приехав, удивился. Начдив при встрече поразил своей озабоченностью. Сразу не принял: спешил на телеграф. Потом наведался в оперативный и административный отделы, и лишь полчаса спустя Грязнов вновь увидел перед собой его высокую плотную фигуру. За Сергеевым с понурым видом шел начальник снабжения.

— Придется подождать, пока вот с ними не разберусь, — извинительно произнес начдив.

За ротозейство и халатность Сергеев никому спуска не давал. Так, наверное, и было. Выйдя от начдива, снабженец смахнул испарину со лба и удрученно сказал:

— Иди. Твоя очередь…

«А все ли в порядке в документах, которые я дал на подпись?» — с тревогой подумал Грязнов.

Сергеев осуждающе взглянул на него и раздельно сказал:

— Как вы поддались такой беспечности? Как не

соблаговолили узнать, какой перед вами противник? Много ли его? Каково вооружение, состояние духа?..

Закончить мысль помешал телефонный звонок. Начдив поднял трубку.

— Да, да, Сергеев. Плохо вас слышу… А, Томин? Приветствую вас, Николай Дмитриевич. Что делать дальше сводной группе?.. Ставьте на этом точку. Рейд, который кавалеристы совершили по тылам врага, сыграл свою роль. Поработали хорошо, честь вам и слава. Представьте отличившихся к наградам и распускайте дивизионы по бригадам. Полк «Красных гусар» шлите в мое распоряжение… Что? Приказа командарма? Еще не было. Ждать его некогда. Подчиняйтесь моему решению. Всю ответственность беру на себя. Жду лично с подробным докладом. До свидания…

— Товарищ начдив, как же так!? — изумился Грязнов, — Ведь только в степи вышли. Тут только и простор для конницы…

— Простор!.. До него еще далеко. Все силы сейчас должны быть собраны в единый кулак. Рваться вперед поодиночке — авантюра. Да и всем вместе тоже пока не удастся. К обороне надо готовиться, к самой крепкой обороне.

— К обороне? Сейчас-то?

— Эх, отпускник, отпускник, — не то с укоризной, не то с завистью произнес начдив и, склонившись над картой, неожиданно предложил: — Смотрите, наша агентурная разведка показывает на усиление противника под Петропавловском. Здесь уже сосредоточены три пехотные дивизии и пять казачьих полков. Немалые силы в пути от Омска. Не надо быть провидцем, чтобы понять: Колчак готовится взять реванш за Урал. Дела серьезные. Так вот, — повелительно подытожил начдив. — Потрудитесь проехать в полки. На каждом участке проведите разведку боем. Завтра жду исчерпывающих донесений. Все. Больше не задерживаю.

Грязнов повернулся. От волнения забыл каблуками прищелкнуть. За дверью вспомнился снабженец — походить на него не хотелось. Откинул с мокрого лба козырек фуражки и четко прошагал мимо знакомых штабников во двор.

— Айда в бригаду! — приказал ординарцу.

— Отобедать бы не мешало.

— Отобедались. Хватит. Поразмякли в резервах-то…

Сергеев не ошибся в прогнозах. 1 сентября 1919 года белогвардейская армия генерала Сахарова развернула наступление. Против советских дивизий были брошены наиболее подготовленные и надежные пехотные части, в которых на каждый десяток солдат приходилось по два-три унтер-офицера. На главном направлении колчаковцы имели полуторное

превосходство в силах. Действия на флангах обеспечивали конные группы генералов Доможирова и Мамаева.

Колчак рассчитывал на внезапность и массированность действий.

Но красные части оказали генералу Сахарову такое сопротивление, что через неделю боев тот запросил у Колчака подкрепление в пятнадцать тысяч. Вслед за этим 30-я стрелковая дивизия перешла в контратаку. Против уральцев неприятель бросил отборную гвардию. Но и она не добилась крутого перелома. Полки 30-й не только не пустили колчаковцев на переправы через Тобол, но и сохранили за собой активные плацдармы на восточном берегу реки. Это стоило сотен жизней героев-уральцев.

В один из дней тобольской эпопеи Грязнов вновь наведался к артинцам, в 3-ю роту 262-го Красноуфимского полка. Собирался поздравить земляков с только что отвоеванной деревней Дианово, да не пришлось говорить громкие слова.

За околицей при холодной осенней луне хоронили погибших в дневном бою. Положили рядом четверых и, сказав: «Спите, друзья!» — вскинули вверх винтовки. Трижды прогромыхали затворами, но не сделали и единого выстрела: с патронами было туго.

— Вот и Барашова проводили, — горестно вздохнул ротный. — Из Кургата он. Может, слыхали?

— Знал Поликарпа Ефремовича, — отозвался Грязнов.

— Легко погиб. Прямо в лоб…

Комбриг глядел, как растет могильный курган, и с горечью думал: «Много их осталось в Зауральских степях».

7. Даешь Сибирь!

В боях не заметили, как отзвенело бабье лето. Когда стало спокойней, удивились: вокруг все мрачно, сурово, березовые колки тоскливо глядят голыми, черными ветвями. Смотреть на такое и в доброе время радости мало, а когда на душе стынь — совсем плохо. Сердце щемила боль: Москва на осадном положении, сытые кони вынесли деникинские полки под самую Тулу.

В эти суровые дни во всех частях можно было видеть нового военкома дивизии Валентина Михайловича Мулина. Его узнавали издали по длиннополой шинели, по смоляным усам на красивом волевом лице. В каждой роте уже знали биографию комиссара. Старый большевик, он работал в подполье, познал аресты и царскую каторгу. Из Сибири бежал. За годы эмиграции объездил чуть не полмира. Встречался с В. И. Лениным.

Комиссар видел свой долг в том, чтобы постоянно находиться в гуще масс. Окопы передней линии были основным местом его работы.

В середине октября наши армии вновь перешли в решительное наступление против Колчака. Через переправы и плацдарм на сибирском берегу реки, которые с трудом отстаивала 30-я стрелковая дивизия, буквально в считанные часы были переброшены левобережные части.

В наступление перешли обновленные и пополненные полки и дивизии. Партийные, советские и военные организации Урала провели широкую мобилизацию по городам и рабочим поселкам. Фронт получал десятки маршевых рот, семь новых крепостных полков, одну стрелковую и одну кавалерийскую дивизии. В красноармейские части влились те, кто на своих плечах вынес все тяготы колчаковщины.

У врага же резервов больше не было. Его тыл стал тем же фронтом. За спинами колчаковцев поднялась могучая народная армия — сорок тысяч сибирских партизан. Белая гвардия покатилась на восток, к Петропавловску.

30-я стрелковая дивизия, действуя на правом фланге 3-й армии, упорно наседала на врага севернее железнодорожной магистрали. Рядом двигались войска М. Н. Тухачевского.

Десять суток безостановочно шли вперед. Достигнув озер Черное и Щучье, внезапно остановились. Вслед за этим получили еще более странный приказ начдива: отвести полки обратно на расстояние суточного перехода, оставив на линии соприкосновения с противником лишь незначительные

прикрытия.

Встревожились и в штабе армии. Понеслись телефонные запросы.

— Что вы делаете? Почему прекратили наступление?

— О наступлении не забываю, — спокойно ответил Е. Н. Сергеев, — действую, сообразуясь с обстановкой, а она настоятельно требует перегруппировки сил. Уверен, что, сделав это, добьемся значительно большего успеха.

— А сроки?

— Выдержим в точности.

Штаб армии одобрил план Сергеева. Евгений Николаевич решил больше не отталкивать противника лобовыми ударами, которые особого урона колчаковцам не приносили. Местность, куда вышли полки дивизии, да и сам характер расположения вражеских сил диктовали вести бои за окружение противника.

Третий начдив 30-й дивизии Е. Н. Сергеев, впоследствии профессор Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Прошло два дня, 2-я и 3-я бригады с гаубичным и тяжелым артиллерийскими дивизионами сосредоточились южнее озера

Щучье. Северную группу охвата составили полки бригады Ивана Грязнова и кавалерийские подразделения дивизии. Руководство первой принял на себя начдив. Во вторую для координации действий выехал начальник штаба С. Н. Богомягков.

Группы были удалены друг от друга более чем на тридцать верст. 31 октября Богомягков ждал нарочного, который должен был доставить приказ начдива с указанием точного времени начала совместных действий. Но тот не приехал: крутил буран, и немудрено было заблудиться. Тогда начальник штаба сам направил своего гонца к Сергееву с копией приказа по бригаде о наступлении, сопроводив его запиской:

> «Предполагаю, что будете атаковать утром и отбрасывать противника к северу. Я передал комбригу распоряжение тоже атаковать утром, охватывая противника с севера и отбрасывая его к югу».

Пурга к рассвету улеглась.

— Вот и первое ноября подкатило, — проговорил Богомягков. — Зима. Белым-бело…

— А не попортит нам дело этот снег? — усомнился Грязнов. — Маскировки не будет…

— Может, и так, а потому спешить и спешить надо. Поднимайте полки. За конницей я послежу.

Сборы прошли организованно. Выступив из района сосредоточения, 262-й Красноуфимский и 264-й Верхнеуральский стрелковые полки достигли северных окраин Частоозерского, когда еще даже и не развиднелось. Не мешкая, приняли боевые порядки и при поддержке огня легких орудий пошли в атаку.

Квартировавшая в селе егерская дивизия была застигнута врасплох. Бой приняли лишь посты сторожевого охранения.

С юга уже доносился гул артиллерийской канонады.

— Наши! — прокатилось по цепям. — Смелей, ребята!

Начдив и начальник штаба даже без связи понимали друг друга — их группы действовали синхронно. Задуманные «клещи» удались на славу: егерская и 6-я пехотная дивизии колчаковской армии прекратили свое существование, в плен сдались 14 тысяч солдат и офицеров. Богатыми оказались и трофеи — 16 орудий, множество пулеметов, обозных подвод с патронами и снарядами.

После разгрома Частоозерской группировки полки Тридцатой за два дня покрыли сотню верст и широким фронтом вышли к реке Ишим. Мостов на участке бригады Грязнова не оказалось. Искать брод бесполезно: река глубокая. Вплавь? Не то время. Ишим уже покрылся шугой.

— Нет переправ здесь, найдем их там, откуда колчаковцы еще

не убрались, — сказал комбриг и направил батальон Николая Паначева берегом вниз по течению.

Расчет оказался верным. У деревни Доновской обнаружили мост. Его охрана была незначительной. Основные силы противника вели бой с наступающим 269-м Богоявленским полком 3-й бригады дивизии. Сбив предмостовые заслоны, Паначев направил одну роту на другой берег, чтобы закрепиться там, а с двумя другими ударил по колчаковцам с тыла.

Утром следующего дня Красноуфимские и 269-й Богоявленский полки форсировали Ишим.

Батальон Паначева в это время уже бился на подступах к селу Вакоринское. Засевшие на господствующих высотах колчаковцы встретили красноармейцев плотным ружейно-пулеметным огнем. А тут еще ввязались орудия неприятельской батареи. Артиллерия бригады находилась на марше и не могла помочь бойцам. Как быть? Все решилось коротко и просто: выручил кавалерийский дивизион К. К. Рокоссовского.

После боя комбриг Грязнов и комиссар Мяги в кратком описании подвига указали:

> «4 ноября 1919 года в бою под селом Вакоринским… тов. Рокоссовский, действуя в авангарде 262-го стрелкового полка и непосредственно управляя вверенным ему дивизионом, прорвал расположение численно превосходящего противника. В конном строю с 30 всадниками атаковал батарею противника и, преодолев упорное сопротивление пехотного прикрытия, лихим ударом взял батарею в плен в полной исправности…»

Вывод был кратким:

> «Ходатайствовать перед высшим командованием о представлении тов. Рокоссовского к ордену Красное Знамя».

Вторую годовщину Великого Октября бригада Ивана Грязнова отметила освобождением станции Мангут. Здесь вновь отличились конники. Когда станция была захвачена, комбриг узнал, что невдалеке от нее, в деревне Караульное, преспокойно квартирует штаб колчаковской дивизии.

— Взять, — распорядился Грязнов.

К утру кавалеристы Константина Рокоссовского вернулись с задания, конвоируя обезоруженных штабистов. За ними тянулись телефонные двуколки и подводы с войсковым имуществом…

Неделю спустя, 14 ноября 1919 года, советские войска были уже на улицах Омска. Одновременно с частями 27-й стрелковой дивизии, наступавшей вдоль Великой Сибирской магистрали, в бывшую столицу «верховного правителя» с севера вошли и части 30-й дивизии.

В те дни Красная Армия одерживала победу за победой и на Южном фронте. Вновь советскими стали Орел, Кромы, Воронеж. 15 ноября конники Буденного вступали в Касторную, а 16 освободили и Курск. Детально разработанные и согласованные планы Деникина, Колчака и их антантовских покровителей окончательно провалились.

Слившись на путях единственной железнодорожной линии, все колчаковские части безостановочно откатывались на восток.

В Омске 30-я стрелковая дивизия влилась в ряды 5-й армии, которая продолжила дальнейшее наступление в глубь Сибири. Оперативные приказы штаба дивизии в те дни были похожи на расписание движения поездов. В них категорически указывалось: какого числа, к какому времени, к каким населенным пунктам должна выйти та или иная бригада. Все предписания выдерживались с образцовой точностью.

После Барабинска Е. Н. Сергеев и В. М. Мулин получили новое назначение. Командиром 30-й стал А. Я. Лапин, а комиссаром — Невельсон. До той поры Иван Грязнов считался в дивизии самым молодым из командиров. Теперь эта «монополия» кончилась. Впервые в жизни Грязнов попал в подчинение к младшему по возрасту. Альберту Яновичу Лапину было только двадцать. Сын профессионального революционера, участника первых баррикадных боев, Лапин еще в июне 1917-го стал членом большевистской партии. В декабре того же года его избирают в состав главного штаба Красной гвардии. В начале восемнадцатого Альберт Янович — начальник орготдела Московского военкомата. Затем фронт. Был комиссаром разведотдела, комиссаром штаба 5-й армии. В дни контрнаступления на Восточном фронте принял 232-й полк 26-й стрелковой дивизии. Командуя им, освобождал Бугульму, отважно дрался в лесах Башкирии, в горах под Златоустом. В одном из боев в степях за Челябинском был тяжело ранен. Пуля, застрявшая в позвоночнике, надолго приковала к госпитальной койке. Врачи дали заключение: «К военной службе не пригоден». Но Лапин не сдался и тогда. На костылях приковылял к Михаилу Николаевичу Тухачевскому, протянул рапорт: прошу оставить в армии. Командарм просьбу уважил, но в строй не пустил.

Некоторое время Альберт Янович работал начальником оперативного отдела, но вскоре затосковал по боевым делам и,

как только армию принял новый командующий, решительно заявил ему:

— Верните на командную работу!

— Какой же ты командир на костылях? — удивленно спросил Г. Х. Эйхе.

— Какой? А вот смотрите…

Лапин отбросил костыли в стороны и бодро прошелся по кабинету. Командарм и члены Реввоенсовета посовещались и решили: просьбу удовлетворить. Так Альберт Янович стал начальником 30-й стрелковой дивизии.

Бригады и полки Тридцатой стремительно продвигались к Оби. Неожиданно из штаба армии пришел приказ: «Наступление приостановить». Молодой начдив не согласился с этим. Он считал, что в сложившейся военной ситуации топтание на месте пойдет только на руку противнику и отодвинет час его окончательного разгрома. Доложить командарму о своем особом мнении не представилось возможности: связи со штабом армии не было, Комиссар не поддержал начдива и отказался подписывать приказ, идущий вразрез с указаниями штарма. Он выехал в армию, чтобы лично доложить о сути своих разногласий с командиром.

Лапин и начальник штаба Богомягков остались вдвоем. Альберт Янович продолжал с горячностью доказывать свою правоту:

— Да, подтянуть тылы и получить резервы необходимо. Без этого части будут испытывать немалые затруднения. Но нельзя забывать и о том, что против колчаковцев все активнее выступают партизаны. Они ждут нас. Взаимодействие с ними обеспечит безостановочность нашего продвижения на восток. А что даст недельная передышка? Противник придет в себя, мобилизуется. Тогда его так просто не возьмешь! Нет, на такое я не могу пойти. Давайте приказ, Степан Николаевич!

Скрепив боевой документ подписью, начдив распорядился:

— Рассылайте.

Тридцатая устремилась на восток. По дороге ее нагнал следователь по особо важным делам из ревтрибунала армии. Вызовы для дачи показаний выбивали начдива из равновесия. Утешало одно: наступательный порыв дивизии нарастал день ото дня.

Минуло десять суток. В штаб армии полетела первая победная реляция:

> «Части 2-й бригады 20 декабря заняли Томск, который к моменту подхода наших частей находился в

руках революционного комитета… В городе осталось до 70 отдельных частей противника, отказавшихся выполнять приказ белогвардейского командования о дальнейшем отходе в глубь Сибири. В Томске нами захвачено до 16 000 пленных солдат, свыше тысячи пулеметов, 30 госпиталей и большое количество эшелонов с военным имуществом…»

Не менее весомым оказался и второй телеграфный рапорт:

«Части 3-й бригады в 13 часов 23 декабря заняли город Тайга, в котором захвачено большое количество артиллерии, пулеметов, много эшелонов с буржуазией и другие трофеи, учесть которые даже приблизительно не представляется возможности».

В Томске Лапину сказали:
— Следствие прекращено. Победителей не судят.

8. «У аппарата генерал Пепеляев»

Полкам Ивана Грязнова не везло: в броске на Томск они не участвовали, а к вокзалу Тайги подкатили словно пассажиры. Бригада находилась в дивизионном резерве, налаживала на новых местах гарнизонную службу, приводила в порядок отбитое у врага хозяйство.

Иван Кенсоринович квартировал один. С Мяги распрощался еще до Оби. Комиссара отозвали на работу в Центр. Привык к нему комбриг, и бойцы почитали за отца. «Новый, говорят, молодым будет. Поладим ли?» — тревожился Грязнов.

Вечера часто были свободными, и комбриг допоздна засиживался над книгами: перешла, видать, от Сергеева добрая привычка.

В тот вечер он тоже сидел один. Постучали.

— Кто?

— Обогреться не пустишь, командир? — донесся из-за двери голос. И перед Грязновым вырос высоченный человек в малахае, барчатке, синеокий, улыбчивый.

— Над чем сидим? Ого-о! — пробасил, напирая на «о». — Клаузевиц! Мольтке! Понятно, военное искусство грызем. Это хорошо… Что ж, давай знакомиться: Сергей Кожевников.

— Грязнов… Постой, а ты не Горного полка комиссар?

— Был, — ответил и, не церемонясь, попросил: — Помоги барчатку скинуть. Не в ладах с нею вот, с левой…

— И где же?

— Недавно. За Ишимом уже.

Скидывая большущий сибирский малахай, гость продолжал:

— Парень был, что надо, а теперь стал, как лунь…

— Контузия?

— Не только. Под землей полежать успел, санитары даже за своего признавать не хотели.

— К нам какими судьбами?

— Работать. Комиссаром к тебе назначен.

— Рад, — отозвался комбриг. Кожевников определенно нравился ему.

Разговорились. Оказалось, что они погодки. Почти в одно время жили в Екатеринбурге. Кожевников приехал туда из Лысьвы после двух лет учительства в школе. Думал в институт поступить, да не получилось, молодой учитель-большевик с головой ушел в партийную работу.

Дни Октября встретил депутатом Совета, разоружал контрреволюционеров, ведал финансами, а когда вспыхнул мятеж

белочехов, вместе с И. М. Малышевым выехал на фронт под Златоуст. Вернувшись в Екатеринбург, нес охрану особняка, в котором содержался под стражей низложенный Николай Романов.

— Да, не биография у тебя — романтика! — заметил Грязнов. — А не заскучаешь у нас? Работы почти никакой. Плетемся в хвостах, с пленными да тифозными только и возимся.

— Сибирь, она вон какая! — кивнул на карту Кожевников. — Придет время, пошагаем первыми.

Слова комиссара оказались пророческими. Прямо со станции Тайга 1-я Красноуфимская бригада была выдвинута в авангард наступающих войск Восточного фронта. Ей предстояло за две недели одолеть пятьсот с лишним верст, освободить Мариинск, Ачинск и Красноярск.

Темпы были высокими. Но теперь под рукой было достаточно паровозов и вагонов. Перегон за перегоном брали в эшелонах. Случалось, что железнодорожный путь был разрушен. Тогда садились на сани и, понукая трофейных коней, мчались до уцелевших станций. Где с боем, где мирно добывали новый подвижной состав и опять неслись вдогон врага.

28 декабря красноуфимцы выбили колчаковцев из Мариинска. А в первый день нового, 1920, года достигли окраин Ачинска. К ночи сопротивление противника было сломлено. Семитысячный Ачинский гарнизон капитулировал. Бои не утихли лишь в районе вокзала.

Там и отыскал Грязнова помначштаба Николай Воскресенский.

Помощник начальника штаба 1-й бригады 30-й дивизии Н. В. Воскресенский. Ныне персональный пенсионер, проживает в г. Златоусте.

— Товарищ комбриг, телеграф взят, — доложил тот, не покидая седла.

— Добро.

— Пепеляев утек, а из частей все еще запросы к нему идут.

— Да ну, такого еще не бывало!

— О том и речь.

— Ординарец, коня!

Легко вскочив на буланого, Грязнов махнул рукой

Воскресенскому:

— Показывай дорогу!

У телеграфа спешились. Воскресенский распахнул дверь в большую жарко натопленную комнату, откуда слышался стрекот работающих аппаратов. Навстречу комбригу шагнул помначштаба по разведке Онегин и на ходу скомандовал:

— Встать!

Телеграфистов было трое. Разом поднявшись, испуганно застыли.

— Не отстукали еще, что Ачинск наш? — строго спросил Грязнов.

— Не велено было, — отчеканил долговязый в форменной тужурке.

— С кем связь держите? Онегин, карту!

— Вот. На ней все отмечено.

— Хорошо.

Грязнов мгновенно оценил обстановку, посмотрел, из каких частей идут депеши, и приказал старшему:

— Передавайте: «У аппарата генерал Пепеляев…»

— Это ж…

— Передавайте! — рука Грязнова легла на деревянную кобуру маузера.

Телеграфисты застучали ключами.

— Ваши доклады изучил, — диктовал комбриг. — Обстановка усложняется. Приказываю немедленно выйти из тайги и сосредоточиться под Ачинском в следующих пунктах…

Провода унесли приказ. В телеграфной несколько минут было тихо. Но вот включился один аппарат, за ним другой, третий. Командиры белогвардейских частей, как сговорившись, просили разъяснить, чем вызвана столь неожиданная передислокация.

Тон новой депеши был гневен:

> «Вы знаете, я не люблю рассуждений, когда дело идет о выполнении моих приказов. Вторично приказываю организовать движение частей в указанных направлениях, а самим по прибытии немедленно явиться ко мне. Пепеляев».

…Ранним утром разведка донесла, что части противника, получившие приказ «генерала», выполняют его в точности и уже сосредотачиваются в назначенных местах. Оцепив район, красноармейские батальоны поднялись в атаку, колчаковцы даже не сопротивлялись. В этой операции было пленено двенадцать тысяч белогвардейцев.

А телеграф в Ачинске все работал. Была установлена связь с руководителями Красноярского гарнизона. Скрывать, что Ачинск — советский, уже не имело смысла.

В переговоры с эсером Колосовым вступил комиссар бригады Сергей Кожевников. Представитель «Комитета общественной безопасности» взмолился:

— Ваше слишком быстрое продвижение по дороге, сплошь занятой остатками отступающей армии, принесет для мирного населения много излишних испытаний.

Советский военком ответил:

— Наше быстрое продвижение вперед принесет облегчение, а не испытания крестьянству, поголовно выпоротому и ограбленному белой армией.

Вслед за Колосовым к аппарату подошел командующий войсками Енисейской губернии, начальник Красноярского гарнизона генерал Зиневич. Комбриг Грязнов коротко и твердо заявил тому, что если генерал надеется сохранить свою жизнь, то следует разоружить войска гарнизона и подготовить их к безоговорочной капитуляции.

Зиневич принял все выдвинутые условия. В истории гражданской войны это был, пожалуй, единственный случай, когда неприятель сдавал такой крупный город… по телеграфу.

В последнюю минуту генерал спросил, с кем вел речь и перед кем капитулировал.

— Позвольте узнать ваш чин и фамилию?

— Чинов у нас нет, — последовал лаконичный ответ. — Фамилия моя — Грязнов.

События, однако, сложились так, что Зиневичу и эсеровским вожакам «Комитета общественной безопасности», пришлось сложить с себя все полномочия еще до вступления в Красноярск регулярных частей Красной Армии. 4 января 1920 года большевики города подняли восстание. Отряды вооруженных рабочих и перешедшие на их сторону солдаты установили в Красноярске Советскую власть.

Перед 30-й стрелковой дивизией встала новая задача — не дать врагу задушить восстание, не допустить на улицы города ни одного полка колчаковцев. Начдив Лапин срочно выдвинул вперед и 3-ю бригаду, приказав ей во взаимодействии с частями Грязнова и отрядами партизанской армии Щетинкина окружить в районе станции Чернореченская отступающие полки 2 и 3-й армий врага.

Эту операцию сами колчаковцы впоследствии назвали «Сибирским Седаном»[5]. Разбитые на отдельные группы, они метались из стороны в сторону, но так и не вырвались из

стальных тисков советских войск.

Морозной и вьюжной ночью 6 января один из помощников доложил Альберту Яновичу Лапину.

— Товарищ начдив, прибыли белые генералы. Просят принять.

Такое было не совсем обычным делом. В комнату вошли запорошенные снегом двое пожилых военных в генеральских шинелях.

— Честь имею явиться, — почтительно представился первый. — Начальник штаба 2-й армии. Прошу назначить условия сдачи…

Следующую ночь полки Тридцатой встретили уже в Красноярске. Колчаковская армия прекратила свое существование. Только жалкие остатки каппелевцев сумели уйти тайгой на восток.

Близ Красноярска бойцы Грязнова пленили и самых заклятых своих врагов — белобандитов добровольческой бригады Рычагова. Это было отпетое кулачье, лютовавшее по селам Урала еще в июне восемнадцатого года.

— Расстрелять всех до единого! — выпалил комбриг, узнав о поимке рычаговцев.

— Надо разобраться с каждым, — удержал командира Кожевников. — Среди них могут быть и обманутые.

— Не верю сволочам, — не сдавался Грязнов. — Ты ж не был в Поташках, не был в Артях. А наши все помнят. Помнят, как кололи и били безоружных, живьем в могилы бросали…

— Понимаю, Иван. Но месть не наше оружие. Мы должны были взять врага, и сделали это. Теперь уж суды пусть судят, кто и что заслужил.

— Суды! Да попадись мы бандитам в руки, разом бы к стенке поставили. Это точно!

— Но мы — не они. У нас пролетарская совесть.

Из Красноярска бригада Ивана Грязнова вновь выступила первой и вскоре нагнала эшелоны белочехов. 15 января 264-й Верхнеуральский полк В. И. Кузнецова после короткого боя, в котором с обоих сторон участвовали бронепоезда, выбил их из Канска.

За два дня до этого Сибревком и Реввоенсовет 5-й армии, стремясь избежать напрасного кровопролития, направили белочешскому командованию телеграмму с предложением «разоружиться и перейти на положение мирных граждан».

Ответа не последовало.

Не образумились белочехи и после потери Канска. Стремясь оторваться от советских частей, они взорвали мост через реку

Пойма. Но саперы подоспели вовремя. 19 января 263-й Красноуфимский полк И. К. Смирнова оказался на расстоянии одного перехода от станции Тайшет, где скопилось немало белочешских эшелонов. Паровозные топки их паровозов были пусты, и генерал Сырова согласился пойти на переговоры. 23 января комбриг Грязнов получил уведомление о принятии советских условий перемирия.

Казалось, цель достигнута. Но на следующий день комбриг получил новое известие: разжившись где-то углем, Сырова вывел свои эшелоны со станции. Преследовать их по железной дороге было невозможно. Позади себя белочехи оставляли взорванные пути, станции, водокачки.

Бригада Грязнова была вынуждена перейти на конную тягу. Санный марш длился пять дней и ночей. Вечером 29 января полк Ильи Смирнова изготовился к атаке на Нижне-Удинск. Перед боем Илья Корнилович связался по действовавшему телефону с начальником белочешского арьергарда:

— Вы окружены. Сопротивление бессмысленно. Предлагаю безоговорочно сдаться.

— Мы не сдаемся, а умираем с оружием в руках, — спесиво ответил тот.

Враг первым открыл огонь. Загремели орудия всех пяти его бронепоездов. Восемь часов на сорокаградусном морозе дрались красноармейцы и партизаны с арьергардными полками белочешской армии. К утру они были разбиты и обращены в бегство. Бойцы Смирнова захватили 4 бронепоезда, 92 паровоза и 16 эшелонов.

Это была серьезная победа. И. К. Грязнов и С. Н. Кожевников, составляя акт о боевых подвигах И. К. Смирнова, прямо указали, что своими инициативами и решительными действиями командир 263-го Красноуфимского стрелкового полка

> «вынудил чехословацкое командование к возобновлению прерванных мирных переговоров и прекращению боевых действий, чем спас от полного уничтожения всю Сибирскую железнодорожную магистраль и многочисленные железнодорожные мосты»[6].

Ровно через неделю, 7 февраля 1920 года, на станции Куйтун уполномоченный Совета Народных Комиссаров РСФСР и представитель чеховойск подписали условия перемирия. Белочехи обязались прекратить вооруженную борьбу с частями Красной Армии и партизанами, согласились передать Советскому правительству золотой запас РСФСР, захваченный ими, и дали

твердые заверения, что, отступая на восток, будут передавать частям Красной Армии в исправном состоянии железнодорожный путь, мосты, сооружения, средства связи и имеющийся на станциях подвижной состав.

…После перемирия полки 1-й Красноуфимской бригады расквартировались на станции Зима. В дни отдыха красноуфимцы получили долгожданную возможность сообщить о себе родным на Урал.

«Станция Зима. 16 февраля 1920 года, — так начал свое письмо матери двадцатитрехлетний Иван Грязнов.

— …Мама, твое доброе любящее сердце заставляет тебя так много страдать. Дорогая, меньше мучай себя тревожными мыслями. Ведь уже розовеет светлая заря мирной трудовой жизни. Работа истории кончается, и скоро мы возвратимся в свои семьи.

…Вы пишете, дорогая мама, что нас называют орлами. Да, мы действительно орлы. Ведь за два месяца и десять дней мы совершили небывалый и неведомый еще никому поход в три тысячи верст. Ни тайга, ни сорокаградусные морозы, ни голод, ни тиф не останавливали нас. Начав от Омска разгром Колчака, мы стремительно продолжали его.

За Томском фронт сузился до небывалых размеров. Я с бригадой был выброшен в авангард Восточного фронта. Колчак ускользал и выводил свои армии, но страшным, невероятным напряжением мы настигли их под Ачинском. И здесь-то началось!

Мы отдельными полками разрывали фронт противника и выходили в тыл целым армиям. Батальонами громили дивизии и корпуса. Захватывая колчаковские штабы, я отдавал под видом их генералов приказы и намеренно подводил части врага под смертоносные удары. В ответ на это их командиры рапортовали по телеграфу: «Слушаемся, ваше высокопревосходительство…»

9. Начальник Иркутского гарнизона

Одновременно с частями 1-й бригады на станцию Зима прибыл полевой штаб начдива. Альберт Янович давно недомогал. Беспрестанные поездки на перекладных, ночлеги на снегу разбередили старую рану. Но на ногах удержался до последнего боевого дня и только с подписанием перемирия сдался врачам. Начальник штаба С. Н. Богомягков также оставил дивизию. Он получил задание нелегально пробраться в Иркутск, чтобы оказать помощь ревкому в военном руководстве и подготовить все для скорого размещения в городе частей дивизии.

Свои обязанности начдив перепоручил комбригу 1-й, а руководство штабом — другому надежному помощнику, двадцатидвухлетнему Михаилу Голубых, немало послужившему рядом с Блюхером, Павлищевым и Сергеевым.

15 февраля 1920 года Грязнов, Голубых и военком Сергей Кожевников подписали очередной оперативный приказ войскам 30-й стрелковой дивизии. В нем указали, что, «по сообщению командования чеховойск, последние покинут первую договорную деповскую станцию не ранее 20 февраля», и, назначив полкам 2 и 3-й бригады новые пункты дислокации, обязали их командиров «по сосредоточении в указанных районах ежедневно производить строевые занятия».

Последняя формулировка приказа никого уже не удивила. Времена стали иными. Войска 30-й готовились к большому и радостному событию — к торжественному вступлению в столицу Восточной Сибири.

Когда Лапин вернулся в дивизию, полки двинулись на Иркутск.

…Воскресенье 7 марта 1920 года выдалось морозным Но полуденное сибирское солнце светило весело и щедро. Иркутск был в праздничном убранстве. Стены домов и балконы украсились портретами вождей революции. Всюду лозунги, увитые гирляндами хвои: «Привет освободителям!», «Да здравствует Советская власть!», «К социализму!»

Полк за полком проходил через Триумфальную арку, за которой высилась огромная фигура рабочего. В одной руке — молот, другая взметнула древко знамени с приветственной надписью: «Слава 30-й стрелковой дивизии». И арка, и фигура рабочего были сделаны изо льда, который искрился и пламенел на солнце.

Когда первые ряды красноармейцев вступили на центральную площадь, грянули залпы артиллерийского салюта. И полился

могучий напев «Интернационала». Гимн пролетариев земли ширился, переливался волнами над чеканными рядами тридцатников.

Иван Грязнов гарцевал на буланом коне следом за бригадным знаменщиком Семеном Тукановым. Перед глазами колыхалось алое полотнище, на котором светились слова: «Мир хижинам — война дворцам!»

Перед трибуной бойцы остановились. Сверкнула вороненая сталь штыков.

Начался митинг. Его открыл председатель Иркутского военно-революционного комитета А. А. Ширямов:

— Товарищи! Сегодня мы чествуем лучших сынов Красной Армии — бойцов Тридцатой дивизии. Бойцов, вышедших из уральских заводов, из поволжских и сибирских сел. Сегодня мы возглашаем пролетарскую славу героям Тридцатой. Вами пройден великий путь. Впереди осталось мало. Победа за нами. Привет Тридцатой!..

Когда по площади, печатая шаг, проходили полки, на трибуне решались неотложные дела. Альберт Янович Лапин представил членам Иркутского ревкома Грязнова:

— Знакомьтесь. Самый боевой комбриг. Обо мне решение состоится в самые ближайшие дни, Тухачевский вызывает к себе, поеду на запад. Дивизию примет он. Его и считайте начальником гарнизона[7].

Вступление 30-й стрелковой дивизии в Иркутск. Март,

1920 года.

Прямо с парада новый начальник Иркутского гарнизона поскакал на станцию Иркутск-I. В одном из ее тупиков за колючей проволокой стояли вагоны с золотым запасом Республики. Грязнов прошел эшелон из конца в конец и убедился в целостности всех пломб. Заменил рабочую охрану командой пулеметчиков 264-го Верхнеуральского полка.

Глядя на этот состав, Грязнов физически ощутил огромную ответственность за груз, который они отбили у колчаковцев и белочехов… Золото России. Казалось, вот-вот перешагнет оно крайний рубеж и уплывет безвозвратно за океан. Не вышло. Бойцы революции вернули его хозяину — республике рабочих и крестьян. Грязнову рассказали подробности необыкновеннейшей истории. Началась она еще в 1915 году, когда германские войска ворвались на прибалтийские земли бывшей империи. Перепуганное царское правительство поспешило вывезти из Петрограда ценности столичного банка. Местом их нового хранения была избрана Казань.

В дни Октября рабочие и крестьяне России поставили своих часовых у дверей казанских хранилищ. 27 декабря 1917 года В. И. Ленин подписал декрет о национализации банков, и все их ценности стали общенародным достоянием. Место золотого запаса Совет Народных Комиссаров решил не менять. В тех условиях Казань находилась вне опасности.

Но пришло трагическое лето 1918 года. Сеть контрреволюционных заговоров охватила и города Поволжья. Советское правительство распорядилось вывезти золотой запас из Казани. Но эвакуировать удалось только 20 ящиков с золотой монетой.

Казань пала. Золотом завладел белогвардейский Комуч (Комитет членов Учредительного собрания) и срочно переправил его в Самару. Там оно долго не залежалось. Перекочевало в Уфу, а затем и в Омск, где на него и наложил свои руки «верховный правитель России». Когда фронт подошел к Омску, Колчак покинул былую «столицу» и увел «золотой эшелон». До станции Тайга он бронепоездами расчищал себе дорогу, забитую составами недавних «союзных друзей». Белочешское командование, спасая себя, под угрозой применения оружия запретило колчаковцам пользоваться железнодорожным транспортом. 4 января Колчак был взят под охрану чехами, а на другой день их караулы заняли посты на тормозных площадках поезда с российскими государственными ценностями.

12 января 1920 года ревком города Черемхово вынудил

белочехов допустить к вагонам с Колчаком и золотым запасом свою рабочую охрану. Эшелоны отправили в революционный Иркутск, где «верховный правитель» был водворен в одиночную камеру старой губернской тюрьмы. Вместе с ним был посажен и «премьер-министр» Пепеляев.

Тогда же пришел конец и странствиям поезда с золотым запасом.

В начале февраля каппелевцы, остатки армии Колчака пробились к Иркутску и предъявили ревкому наглый ультиматум: выдать «верховного правителя» и внести 200 миллионов рублей выкупа.

На улицах города выросли баррикады. Вся первая линия домов по берегу Ангары ощетинилась штыками. Белогвардейцы не унимались. Захватив станцию Инокентьевская, они готовились к штурму Иркутска. Колчак и золото были для них главной притягательной силой. Понимая это, Иркутский ревком пошел на крайние меры. 6 февраля 1920 года он вынес контрреволюционным главарям смертный приговор. В нем говорилось:

> «Бывшего» верховного правителя адмирала Колчака и бывшего председателя совета министров Пепеляева — расстрелять. Лучше казнить двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв…»

В свой первый иркутский день И. К. Грязнов побывал и там, где был свершен суровый акт народного возмездия. Он остановился перед высокой горой, у подножия которой Колчак и Пепеляев сделали свои последние шаги.

— А где захоронены трупы? — спросил Грязнов сопровождавшего товарища.

— Землю ими не испортили, — ответил тот. — Отправили под лед, в Ангару… Помогло. Каппелевцы на город не пошли. Переправились в стороне через Байкал и подались к японцам. Говорят, и мертвого Каппеля за собой потянули. Хорош подарочек!

…Был уже поздний вечер, когда Иван Кенсоринович, заехав в штаб за Сергеем Кожевниковым и братом Александром[8], направился к дому, выбранному для них квартирьерами.

Вместе с хозяином гостей вышла встречать и его дочь — гимназистка. Стоя в сторонке, она с любопытством следила за ними, разными и непохожими. Высокий и шумливый Кожевников показался ей главным. Сдержанно-строгий и не столь приметный Грязнов немедля был зачислен в помощники. И надо же — он раньше других стал здороваться с отцом, а после и к ней шагнул

первым:

— Как звать-величать прикажете?

— Дебора…

— Звучное имя. А я вот — Иван. Учитесь?

— В седьмом, в последнем.

— О-о! Совсем взрослая девушка, — произнес и застенчиво улыбнулся.

Комнатами постояльцы остались довольны.

После того вечера хозяева раньше полуночи редко видели их. Часто сутками не являлись домой: дел было невпроворот.

— Боюсь за тебя, Иван, — подтрунивал над Грязновым Кожевников. — Все золотом бредишь. Так и до лихорадки недолго. Помнишь, как у Джека Лондона люди маялись ею?

— Странный человек, — сердился начальник гарнизона. — Тебе-то не знать, для чего стараемся?

— Да, я так… Понимаю, Ваня, все понимаю, — уступал Кожевников.

А время действительно было лихорадочным. Шла перепроверка золотого запаса и перекладка ценностей из обветшалой тары в новые прочные ящики, которые по особо срочному заказу изготовили рабочие Иркутска. Все операции совершались по строжайшим банковским правилам.

Произведя пересчеты, выяснили, что в наличии находятся 199 ящиков со слитками золота весом 619 пудов 29 фунтов 68 долей и 6616 ящиков с монетой разных чеканок весом 20 823 пуда. Затем все эти пуды, фунты и доли были пересчитаны в рубли и копейки. Общая стоимость ценностей в номинальной оценке составила 409 625 870 рублей и 23 копейки.

Одновременно шли работы по оборудованию специального железнодорожного состава. Золотой запас предстояло перевезти в столицу Советской республики. Ответственность за выполнение этого задания партии и правительства Иркутский ревком возложил на оперативного сотрудника особого отдела ВЧК при 5-й армии Александра Афанасьевича Косухина. Закаленному и опытному чекисту был вручен мандат с чрезвычайными полномочиями. В числе других руководящих работников его подписал и Грязнов.

Для охраны «золотого эшелона» был в полном составе выделен 3-й батальон 262-го Красноуфимского полка во главе с Николаем Павловичем Паначевым.

Грязнов пригласил к себе А. А. Косухина и Н. П. Паначева. Без долгих дебатов договорились о порядке охраны «золотого поезда». Решили, что в первом эшелоне будут следовать вагоны с ценностями и караульная рота из ста пятидесяти человек. В пути

на крышах держать круглосуточные спаренные посты, на задних тормозах и тендере паровоза — дежурных пулеметчиков. Ночью скорость движения не более десяти верст в час. Второй эшелон с резервной охраной отстает от первого на перегон и догоняет лишь для смены караула и в случаях нападения.

Бывший начальник охраны золотого эшелона Н. П. Паначев, член КПСС с 1918 года. Ныне персональный пенсионер, проживает в рабочем поселке Арти.

— Помните, тайга до Красноярска еще кишит разным сбродом. Есть и более коварный враг, — подчеркнул Грязнов. — Это разруха. Сквозного движения по магистрали нет. Мосты через Тулун, Уду и Бирюсу еще не восстановлены. Как тут поступить?

— Сибирь поможет, — отозвался Паначев. — Морозы-то пока на убыль не идут. Не будет стальных мостов, ледяные станем ладить.

Рано утром 22 марта И. К. Грязнов прибыл на станцию Иркутск-I. Вместе с членами специальной комиссии проверил готовность эшелонов. Осталось дать последние, напутствия отправляющимся в большую и нелегкую дорогу.

— Отныне в ваших руках огромнейшие богатства республики Советов, главный ее золотой капитал! — сказал Грязнов. — Не забывайте о том, что быстрейшая и полная его передача рабоче-

крестьянскому правительству намного приблизит час общей победы над всеми врагами революции. Вперед, друзья! Вперед, орлы Урала и Сибири!

…«Золотая лихорадка» прошла. Но забот у начальника гарнизона не убавилось. К Иркутску подтягивалась вся 5-я армия. Вслед за 30-й в город вступили полки 35-й стрелковой дивизии. Их требовалось разместить, обеспечить всем необходимым.

Грязнову казалось, что концентрация войск в Иркутске диктуется необходимостью быстрейшего освобождения всего Забайкалья и Дальнего Востока. Лишь позже стало ясно, что в то время делалось все, чтобы не только отдалить войну с Японией, но, если возможно, и обойтись без нее. В первую очередь следовало завершить разгром контрреволюции на западе. Учитывая сложность международной и внутренней обстановки, Советское правительство проявило далекую прозорливость, пойдя на образование к востоку от Байкала промежуточного «буферного» государства — Дальневосточной республики.

Из партизанских отрядов была сформирована армия ДВР. Однако она еще не окрепла и в случае повторения интервенции вряд ли сдержала бы японских захватчиков. Тогда на выручку товарищам по борьбе из Иркутска выступила 30-я стрелковая дивизия и заняла позиции на трехсоткилометровом фронте от низовьев Селенги до самой Кяхты. Этот огромный участок требовалось превратить в укрепленный район. Бойцы рыли окопы, тянули проволочные заграждения, возводили блокгаузы, капониры, оборудовали артиллерийские позиции, прокладывали новые дороги, готовили этапные пункты и зимнее жилье.

Закрыв границу на замок, дивизия приступила к боевой учебе. Красноармейцы совершенствовали огневую и тактическую выручку, занимались в школах ликбеза и политграмоты, постигали военные науки на курсах младших командиров, в учебных командах артиллерии и связи.

Летом были проведены бригадные тактические учения, а затем маневры в масштабе всей дивизии. Эти маневры и учебные стрельбы, вероятно, явились первыми в РККА. Они показали отличную сколоченность подразделений и частей.

В августе 1920 года И. К. Грязнов временно исполнял обязанности командующего 5-й армии. В те дни советское командование вело работу по укреплению народно-революционной армии Дальневосточной республики. Иван Кенсоринович вместе с членами Реввоенсовета отбирал для нее лучшие кадры. Этой чести удостоились и пятьдесят самых опытных командиров и политработников 30-й дивизии. В их числе отбыл за кордон и герой боев на Тоболе и Ишиме

К. К. Рокоссовский.

Серьезной проблемой в армии оставалось снабжение людей продовольствием. Места вокруг, правда, были богатые, реки кишели рыбой, по склонам сопок бродили косяки дичи. Но вся эта живность у бурят считалась священной. Самовольные уловы и отстрелы могли только расстроить отношения с коренным населением, в особенности, с правящей буддистской верхушкой.

Пришлось прибегнуть к дипломатии. В начале августа Иван Кенсоринович с особым тщанием подобрал «высокопоставленную» делегацию и, возглавив ее, направился в Гусиноозерский дацан просить аудиенции у главного ламы.

Внешний лоск и респектабельность создали автомобили миссии Антанты, которыми разжились еще под Красноярском. Появление двух «фиатов» и двух «мерседесов» в сопровождении кавалькады конников, одетых с иголочки лучшими иркутскими портными, произвело на буддийских монахов должное впечатление.

Переговоры на высоком уровне прошли в обстановке взаимопонимания. Главный лама объявил по всем дацанам, что вето на улов рыбы и отстрел дроф на красноармейские части больше не распространяется.

10. В степях Тавриды

Зимовать на Селенге не пришлось. В сентябре последовал новый приказ: 30-ю дивизию перевести на Запад.

Передислокация соединений 5-й армии началась еще в июне. Первой из минусинской тайги отбыла 27-я Омская дивизия. В июле с горняками Черемхово распростились бойцы 51-й блюхеровской и прямо с марша ринулись в битву за Каховские плацдармы. Теперь пришел черед выйти на европейские просторы страны и тридцатникам Ивана Грязнова.

С головными эшелонами ушла 88-я стрелковая бригада Ильи Корниловича Смирнова[9]. Следом за красноуфимцами выступили в далекий путь полки 90-й бригады, новым командиром которой стал Александр Константинович Окулич. 89-я стрелковая бригада Михаила Васильевича Калмыкова покидала Забайкалье последней.

В Иркутске Иван Кенсоринович сделал непродолжительную остановку.

Жители города собрались на митинг, чтобы поздравить уральцев с награждением Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК и объявить о своем ходатайстве присвоить дивизии наименование «Иркутской».

Обращаясь к собравшимся, Грязнов сказал:

— Товарищи! Вы знаете имена полков нашей дивизии. По ним можно судить о том, где они родились и откуда пошли на борьбу за власть Советов. Теперь и на знамени дивизии будет начертано имя — «Иркутская!» Оно скажет, как далеко мы шагнули от Урала. Завтра оно поведет нас еще дальше, к новым победам.

После митинга выдалось несколько свободных минут. Иван Кенсоринович отыскал на перроне Сергея Кожевникова, которого еще весной перевели на работу в политуправление армии.

— Ну, начагитпропа, жалеешь, что не с нами?

— Еще бы! — откровенно признался Кожевников.

— А может, махнем вместе?

— Нельзя.

— Ну, а нас, как думаешь, куда пошлют: на польский или на Врангеля?

Военком 1-й бригады 30-й дивизии С. Н. Кожевников, впоследствии армейский комиссар, начальник политуправления Харьковского военного округа.

— Скорее туда, на юг…

— Хорошо бы. Там ведь и Блюхер. Поможет, если что.

— А на себя не надеешься?

— Дивизия теперь…

— Выдюжишь. Кстати, когда в партию вступишь?

— Я с нею, с партией, с самого восемнадцатого, — задержавшись на месте, твердо ответил Грязнов. — Но, чтобы быть в ее рядах, надо заслужить. Для меня главная проверка только начинается. Побуду с дивизией в боях, оправдаю доверие — буду просить о приеме.

— Может, и резонно, — помедлив, сказал Кожевников. — Но жаль, без меня все это станет.

— Так я и говорю, давай вместе. Просись!

— Не агитируй, Ваня. Здесь тоже дела.

Обнялись. Неловко поколотили друг друга по спинам.

— Так я и знала. Опять вдвоем!

Разом обернулись на звонкий девичий голос. Перед ними стояла Дебора, молодая хозяйка иркутской квартиры. С Кожевниковым она держалась просто, как со старшим братом. Но перед Грязновым почему-то робела. После того, как дивизия ушла на Селенгу, он, приезжая по делам в город, всякий раз выкраивал время, чтобы наведаться по старому адресу. Были уже и прогулки наедине, были и долгие расставания, а странная скованность все не проходила. Вот и сейчас только и смогла сказать ему:

— Значит, едете, Иван Кенсоринович?

Грязнов глянул в большие серые глаза девушки и неожиданно сказал:

— Эх, Дебора, Дебора, было б другое время, пригласил бы с собой. Не испугалась бы?

— Н-нет…

— Ну, и молодец. Тогда жди, приеду за тобой. При друге говорю. Слышишь, Сергей?[10]

— Нашел кого спрашивать, — притворно проокал Кожевников. — Забыл, что контуженный я.

Эшелоны летели на запад по «зеленой улице». Не верилось, что на этих путях еще недавно громыхали бои, взрывы корежили рельсы, в щепу разносили шпалы, рушили водокачки и бросали на лед многотонные фермы мостов — не прошли даром красноармейские субботники и недели помощи. Теперь железнодорожники в долгу не оставались. Составы проходили за сутки по четыреста и более верст.

За Омском повернули на северо-запад, к Екатеринбургу. Красноуфимцы надеялись взглянуть на родные места. Но Казанская ветка была перегружена. Дальше поехали через Кунгур на Пермь — Вятку…

23 сентября Грязнов узнал, что эшелоны авангардной 88-й

бригады проследовали через Москву и направились в сторону Полтавы. Сомнений больше не было: Тридцатая шла на усиление войск только что созданного Южного фронта, командовать которым партия доверила хорошо знакомому всем «восточникам» Михаилу Васильевичу Фрунзе.

27 сентября первые полки дивизии выгрузились и пешим порядком выступили к месту сосредоточения в Ново-Московский уезд Екатеринославской губернии. В тот же день М. В. Фрунзе прибыл в Харьков, где располагался штаб фронта, и обратился к войскам с приказом:

> «Вступая ныне в исполнение своих обязанностей, с первой мыслью и первым словом я обращаюсь к вам, товарищи красноармейцы… Вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом нашей борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, исстрадавшаяся и изголодавшаяся, но по-прежнему крепкая духом сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля.
>
> …Борьба с Врангелем приковывает внимание не только России, но и всего мира. Здесь завязался новый узел интриг и козней, при помощи которого капиталисты всех стран надеются подкрепить свое шатающееся положение.
>
> *…Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта.*
>
> Победа армии труда, несмотря на все старания врагов, неизбежна. За работу, и смело вперед!»

Почти весь октябрь 30-я дивизия продолжала стягивать свои силы, находясь в резерве правофланговой 4-й армии фронта.

Украина встретила уральцев и сибиряков непривычной для них жарой. Мохнатые папахи, врученные на память иркутянами, тут были явно не по сезону. Но бойцы с подарками не расставались: «солдатский телеграф» передавал, что врангелевцы со страхом ждут вступления в бой «страшных сибиряков» в папахах.

Слыша это, Иван Кенсоринович говорил землякам:

— Носы не задирайте. Это не ваши папахи, а наши земляки, бойцы 51-й, нагнали страх на врага.

Урало-сибирская дивизия под командованием Блюхера в те дни была в большом почете. 14 октября 1920 года в боях под Каховкой она положила начало разгрому армии Врангеля. Пролетариат столицы присвоил дивизии имя московского Совета и прямо здесь, на передовых позициях, вручил Почетное Красное знамя с надписью: «Уничтожь Врангеля!»

26 октября на имя Грязнова поступила телеграмма, подписанная Василием Константиновичем Блюхером:

> «Приветствую прибывшую на Южный фронт боевую 30-ю дивизию, бывшую соседку по фронту на Востоке. Примите и передайте славным полкам вверенной Вам дивизии сердечное пожелание успеха в боях с последним врагом нашего социалистического Отечества. Желаю непобедимым уральским и сибирским стрелкам 30-й дивизии, пришедшим от хребтов Прибайкалья на Юг, покрыть новой славой свои почетные боевые знамена. Привет!»

Почти одновременно с этой телеграммой начдив 30-й получил приказ о начале боевых действий:

> «Решительным наступлением не дать возможности врангелевцам выйти из-под смертельных ударов наших частей, на плечах противника занять его укрепления в районах Сальково, Джимбулук, Чонгар и ворваться в Крым на Тюп-Джанкойский полуостров».

И вновь Тридцатая пошла вперед.

Войска Врангеля отходили в Крым, надеясь отсидеться под прикрытием укрепленных позиций на Перекопском перешейке и за Чонгарским проливом. Смертельно раненый враг отчаянно сопротивлялся.

Полки Смирнова устремились к станции Сальково, где проходила первая линия предмостных укреплений врага. Уже стемнело, когда разведчики 262-го Красноуфимского полка подкрались к проволочным заграждениям. Ножниц для резки проволоки не было. Проходы пробивали топорами, лопатами, винтовками.

И вот сигнал общей атаки. Бойцы раскидали подрубленные колья, расширили проходы и рванулись вперед.

Около полуночи начдив получил донесение с места боя:

> «Прорвавшись через проволочное заграждение, после штыковой атаки, неся большие потери от пулеметного

> огня и бронепоездов («Иван Калита», «Дмитрий Донской», «Единая Россия»), бригада в 22 часа овладела позициями, захватив 400 пленных 3-й Донской дивизии, 11 пулеметов и 1 легкое орудие».

— Сальково наше! — сообщил Грязнов начальнику штаба Богомягкову. — На очереди Джимбулук. Но трудно, очень трудно идут полки.

— Орешки крепкие. Враз не раскусишь, — отозвался начштаба. — А сколько еще их там уготовлено!

В двух верстах от Джимбулука 262-й полк отвели в бригадный резерв. Головным стал 263-й Красноуфимский М. Д. Соломатина[11].

Джимбулукские укрепления оказались намного сильнее сальковских. Врангелевцы находились в окопах, отрытых для стрельбы стоя. В них имелись убежища с перекрытиями и даже бетонированные блиндажи. Перед окопами — проволочные сети в три, а местами в шесть рядов. Оборону держали свежие части марковской пехотной дивизии. Их позиции прикрывали бронепоезда.

В небе почти беспрерывно висели ракеты, освещавшие ровные, как стол, солончаки. На скрытность атаки рассчитывать не приходилось. И Смирнов отказался от наступления с ходу. Подтянули артиллерию.

За полчаса артподготовки снаряды пробили проходы в проволочных заграждениях и загнали офицерскую пехоту в убежища.

Наконец раздался сигнал общей атаки.

Михаил Дмитриевич Соломатин поднял свой полк:

— Вперед, уральцы-ы-ы…

Бойцы ринулись в проходы. Противник встретил их ожесточенным ружейно-пулеметным огнем. Поднявшиеся цепи стали редеть. Но ни одна не рассыпалась, не откатилась назад.

Зная, что одним лобовым ударом врага не возьмешь, Смирнов перебросил 264-й Верхнеуральский полк в тыл марковской дивизии. Для маневра верхнеуральцы использовали узкую косу, по которой в Крым тянулся гужевой тракт. Тут тоже стояли вражеские заслоны. Полк сделал почти невозможное. И первым из советских частей вышел на Чонгарский полуостров около Джимбулука.

Весть об удачном обходе противника окрылила 263-й Краноуфимский полк. Красноармейцы одним броском достигли глубоких окопов врага. Отделенный командир 7-й роты Иван Дементьев, крикнув: «На барона! В штыки!» — первым спрыгнул

на дно траншеи…

После взятия Джимбулука в боевых порядках бригады Смирнова осталось не более трети бойцов и командиров.

Грязнов немедля занялся перегруппировкой частей. Калмыков получил задачу перейти в наступление по тракту на Чонгарский мост. Бригаде Окулича было приказано сменить полки Смирнова и развернуть боевые действия вдоль железной дорога и пробиться к Сивашскому перешейку.

3 ноября 268-й стрелковый полк Я. М. Кривощекова овладел станцией Сиваш. Дальше пробиться было невозможно: отходя, врангелевцы взорвали за собой железнодорожный мост.

В это же время авангардный 266-й полк 89-й бригады вслед за кавалеристами 1-й Конной армии вышел к Чонгарскому пешеходно-гужевому мосту. Мост горел. Эскадрон конников, проскочив сквозь пламя, вырвался на противоположный берег. Но, встреченный ураганным огнем врата, откатился обратно.

11. «Республика смотрит на вас!»

Крым был рядом. Но с ходу его не возьмешь. Бригады остановились. Штаб дивизии расположился в хуторке близ разрушенной железнодорожной станции Джимбулук.

Утром 4 ноября И. К. Грязнов вместе с начальником штаба С. Н. Богомягковым выехал на рекогносцировку в расположение бригады Калмыкова. По небу плыли хмурые низкие тучи. Солончаковая земля была налита той же свинцовой тяжестью. Впереди, куда ни глянь — мелководные заливы, гнилые, удушливо-смрадные. Ветер гнал по ним грязные буруны.

Крымская земля рисовалась уральцу вечно цветущим и залитым солнцем краем. А что на поверку? Вроде к самым воротам подошли, а благодатной природы не видать.

— И когда же это будет хваленый ваш рай, Степан Николаевич? — опросил Грязнов.

— К морю выйдем и будет, — спокойно ответил Богомягков. — Крым, он особый. Все вот это как бы для контраста, чтобы удивить после.

Грязнов и Богомягков понимали, что именно их дивизия предстоит сказать решающее слово в атаках Чонгарской и Сивашской переправ, однако многое еще было не ясно, многое не решено.

О противнике в бригадах знали только то, что до разрушения мостов за Сиваши проследовали Кавказская и 2-я Донская дивизии. Но кто из их полков осел на месте, кто двинулся к Перекопу, установить еще не удалось.

Известно было и то, что весь противоположный берег изрезан окопами и траншеями, утыкан бетонированными и бронированными пулеметными гнездами, опоясан проволочными заграждениями. Эти укрепления возводились но планам французских военных инженеров, которые Таганашские и Тюп-Джанкойские позиции назвали «крымским Верденом».

Общие сведения имелись, но конкретных и достоверных данных о расположении, количестве и обороноспособности линий неприятельских укреплений дивизия пока не получила. Выяснить все это предстояло разведчикам. Но как переправиться на вражескую сторону? Хотя пролив перед 89-й бригадой был неширок, но глубина его достигала полтора, а то и два человеческих роста.

— Да, брода тут не найдешь, — сказал Грязнов, обращаясь к комбригу Калмыкову. — А наш понтонный парк застрял и неизвестно когда прибудет…

Михаил Васильевич покрутил черный ус:

— С понтонами тут тоже ничего не выйдет. Не только не дадут высадиться, а и близко к воде поднести эти штуки. Все пристреляно. Да вот и нас заприметили. Ложитесь!

Метрах в двадцати от рекогносцировочной группы разорвался снаряд.

— В укрытие! — распорядился Калмыков.

Все подчинились. Короткой перебежкой достигли щели, служившей комбригу командным пунктом и местом отдыха.

— Обзор, конечно, похуже, зато кланяться не надо, — сказал Калмыков.

— Тяжелыми бьют, — определил Грязнов.

— А корректируют с тех вон вышек. Как на полигоне устроились. Взгляните, — Калмыков предложил свой бинокль.

— Посбивать бы их.

— Чем? Нашими легкими?

— Да, нужен тяжелый дивизион, но его нет, — произнес начдив, не отрывая от глаз бинокль. Потом, кивнув на высокий крымский берег, твердо сказал:

— И все же там мы должны быть!

— Будем, — отозвался Калмыков.

— Когда?

— Этой ночью. Перекинем наплавной мостишко, и будем. После за старый возьмемся. Сваи-то под водой не сгорели…

— Так. А теперь скажешь, материал подавай?

— Не скажу. Тут мы кое-что нашли, они, видать, собирались второй мост строить. Заготовки я приказал по берегу рассредоточить, чтобы ненароком не подожгли.

— Молодцом! — оживился Грязнов.

— Мастеров бы только да инструмента побольше, — в первый раз попросил Калмыков.

— Со всей охотой, Михаил Васильевич, но… — развел руками начдив. — Сам знаешь, под Александровском пробка. Пока не восстановят пути, не будет и инженерного батальона.

В бригаде Александра Окулича дела были тоже неважные. Комбриг приказал найти брод. Пешие и конные часами ходили по сводящей ноги воде. Но уж больно широко на их участке разлилось Гнилое море — версты на три. Утопили нескольких лошадей, сами поморозились, а путного ничего не нашли.

Доложив об этом Грязнову, Окулич сразу завел разговор о том, что на западном берегу Чонгара разведаны удобные бухточки, где можно скрытно сосредоточить плавсредства.

— Лодки, значит, нужны. А где их добыть?

— В Геническе, — подсказал комбриг.

— И правда, рыбаков там много, — поддержал Богомягков. — Думаю, начдив 9-й поможет нам.

— Идея, — согласился Грязнов и приказал начальнику штаба тотчас же послать гонца к Н. В. Куйбышеву.

— Ну, а мост? В каком он состоянии?

— Восстановить можно. Но место обстреливается. Без поддержки артиллерии мы беспомощны что-либо сделать.

— Так, Александр Константинович, — задумчиво проговорил Грязнов. — Нужны, позарез нужны тяжелые дальнобойные орудия. Но где их сейчас взять…

Чтобы избежать напрасных потерь, И. К. Грязнов оставил у переправ лишь восстановительные команды, сторожевые батальоны и подразделения пешей разведки. Остальные части отвел в глубь Чонгарского полуострова.

Начдив сознавал: дневные атаки успеха не принесут. А если штурмовать ночью? Всей дивизией? Такого в практике еще не было. Так будет!

Составили план предстоящего боя. Важнейшие его элементы Иван Кенсоринович контролировал лично. Подготовка велась по ночам. Грязнов добивался, чтобы во всех полках были отработаны приемы преодоления проволочных заграждений, рвов, способы блокировки и подавления опорных пунктов и других очагов сопротивления. Каждое утро, после ночных баталий, Грязнов выезжал на передний край. Выслушивал доклады разведчиков и саперов, вместе с комбригами уточнял детали предстоящего форсирования.

Калмыков свое слово сдержал: навести «мостишко» он-таки сумел, и его разведчики побывали на той стороне. Но чего это стоило! Шесть раз спускали саперы на воду звенья двухбревенчатой нитки, и шесть раз артиллерия белых сводила на нет все их труды. Лишь при седьмой попытке удалось дотянуться до крымского берега и перебросить по зыбким и обледенелым бревнам разведчиков. Они выяснили, что передний край обороны противника удален от воды и подступы к нему могут послужить удобным плацдармом.

Вслед за разведкой в ночь с 6 на 7 ноября на береговую кромку Тюп-Джанкойского полуострова вступили роты комбата Петрова. Они уточнили начертание первой линии врангелевских укреплений, засекли пулеметные точки, выявили позиции легких орудий.

А на своем берегу бойцы Калмыкова каждую ночь развертывали трудовые «субботники». Саперы заготовляли звенья наплавного моста. Подбирались и к сваям сожженного. Под водой, на глубине полуметра, пришили к ним поперечины,

укрепили доски настила.

На участке бригады Окулича тоже не сидели без дела. Правда, первую партию лодок, доставленных из Геническа, врангелевцы разнесли в щепы еще по дороге к «удобным бухточкам». Вторую доставили в целости и спустили на воду, но рыбацкие баркасы могли плыть лишь незагруженными. Чистой воды и четырех вершков не было. Дальше шло илистое месиво. Килевые лодки глубоко зарывались в него. Начинать посадку можно было только в 150—300 метрах от берега. Скрытность действий терялась, и от десантной операции пришлось отказаться.

У саперов дела шли лучше. Мост по возможности привели в порядок. И разведчики 268-го стрелкового полка не раз уже проникали до первой линии прибрежных проволочных заграждений.

9 ноября М. В. Фрунзе, совершавший объезд войск фронта, созвал в штабе 4-й армии Военный совет. От 30-й дивизии на совет были приглашены начдив и начальник штаба. По пути Грязнов и Богомягков обдумывали, как доложить командующему о том, что им крайне нужны понтоны, тяжелая артиллерия и многое другое.

Но когда приехали на станцию Рыково, то свои заботы показались малозначительными: оба были поражены вестями из дивизий армии Корка. Наступательные действия на Перекопском направлении, оказывается, развернулись еще вечером 7 ноября. Три часа на морозе полки и бригады месили непролазную грязь Сиваша, чтобы затем внезапно ударить в штыки на кубанцев генерала Фостикова и к утру 8 ноября очистить от противника почти весь Литовский полуостров. Днем 51-я дивизия Василия Блюхера пошла на штурм Турецкого вала. Три атаки захлебнулись. Четвертая, ночная, принесла победу.

Перекоп был взят. Но ворота в Крым все еще оставались закрытыми. Войска остановились перед сильно укрепленными Ишуньскими позициями. Прорвать их с ходу не удалось: Врангель перебросил сюда конный корпус Барбовича. Агентурная разведка доносила, что и Донской корпус готовится перейти от Чонгара к Ишуню. Части Корка, понесшие в беспрерывных двухсуточных боях огромные потери, попали под яростные контратаки белоказаков и с трудом отражали их.

— Надо одновременно атаковать противника со стороны Перекопа и со стороны Чонгара, — заявил Михаил Васильевич, открывая Военный совет. — Иначе еще одна зима военных действий.

Командующий сделал паузу, обвел взором присутствующих и,

отыскав примостившегося в дальнем конце стола Грязнова, задержал взгляд на нем. Фрунзе знал, что уральцы 30-й и 51-й связаны боевым товариществом. И сейчас, когда бойцам Блюхера неимоверно трудно, кому как не тридцатникам прийти на выручку. Но уж больно молод их командир. А другим до Чонгара далеко, и неведом он им.

— Вся республика смотрит на вас, — медленно и с какой-то особо подкупающей теплотой в голосе проговорил Фрунзе.

Грязнов пружинисто поднялся. «Ишь ты, словно вырос на глазах», — отметил Михаил Васильевич и прямо спросил:

— Вы можете выполнить стоящую перед нами задачу?

Молодой начдив смело глядел в прищуренно-испытующие глаза командующего:

— Да, можем. Вверенная мне дивизия состоит из лучших революционных пролетариев Урала и закаленных сибирских партизан.

Уже другим тоном Фрунзе сказал:

— Из тыловых дивизий передаю вам на усиление гаубичную и тяжелую артиллерию. Богаче станете.

Вернувшись с военного совета, Грязнов вместе с комиссаром дивизии Романовым направился в бригады.

— Кого первым пошлем в бой, комиссар?

— 268-й и 266-й.

Как ни любил Иван Кенсоринович части родной Красноуфимской бригады, как ни гордился ими, но не забывал, что они только младшие братья в семье полков дивизии. А бойцы 268-го стрелкового под ружьем с марта восемнадцатого. От них и пошли на Урале все другие регулярные полки РККА. А ветераны 266-го?.. Они еще красногвардейцами бились с Дутовым. В рядах Коммунистического батальона Екатеринбурга поднялись на борьбу с белочехами и в первых же схватках с ними заслужили право нести до полной победы имя геройского уральского большевика Ивана Михайловича Малышева.

Комиссар, между тем, продолжал:

— Им нельзя отказать быть первыми. Это большой политический фактор.

— Согласен. Но надо и самих спросить.

Пришпорили коней и через час добрались да 3-го батальона 268-то стрелкового толка. Грязнов рассердился, увидев, что командир сменил удобную стоянку бойцов на полуразрушенную кошару невдалеке от Сивашского моста.

— Что за передислокация, Александр Константинович? — напустился Грязнов на комбрига Окулича. — Там люди и обогреться могли, а здесь?

— Здесь теплее, к Крыму ближе, товарищ начдив, — ответил за комбрига рыжебородый веснушчатый боец.

— Я вас опрашиваю, Окулич?

— Ругал уж их. Но заслышали гул орудий с Перекопа — не удержать.

— О чем тут спрашивать, начдив? — проговорил за спиной комиссар.

— Вижу, — ответил тихо и, возвысив голос, обратился уже ко всем:

— Верно действуете, уральцы! Пора вперед. Пора в последние атаки! Фрунзе говорит, вся страна, сам Ленин смотрят на нас.

От Окулича начдив с военкомом поехали в бригаду Калмыкова.

266-й малышевский полк второй день стоял на отдыхе в развалинах хутора Васильевского. Высокий, худой комполка Аронет был хмур.

— Ты что, не в себе, Владимир Андреевич?

— Да так, — кинув руку на эфес неизменной своей спутницы — шашки, ответил Аронет. — Без дела мерзнем.

— Дело будет. До штурма считанные часы остались.

— Да!? — меняясь в лице, переспросил Аронет.

— Вот теперь человек человеком, а то как ворон был…

12. Над Чонгаром гул атаки…

10 ноября Грязнов вернулся в штаб. Промокший пахнущий горькой солью Сивашей, но полный энергии и молодого задора он рассказывал Богомягкову:

— Канонада на Перекопе к югу удаляется. Сам слышал. Пошли, слово даю, опять пошли!.. Знаете, что Калмыков замыслил? Сейчас, когда на Перекопе успех, считает — нужно всей бригадой идти на переправу. Первый полк делает разведку боем. Два других поддерживают немедля. Общий штурм. Остановок быть не может. Весь Тюп-Джанкойский полуостров думает с ходу брать. Каков, а?!

— Думать можно, — не загораясь, откликнулся начальник штаба. — А действовать не придется.

— Почему?

— От командарма новые указания получены. Читайте.

Грязнов устало присел на скамью, скинул фуражку.

Командующий 4-й армии Лазаревич ставил в известность, что активная операция частей армии тормозится и сегодня, 10 ноября, никак не может быть проведена: нет тяжелой артиллерии, нет самолетов, суда Азовской флотилии вовремя не пришли. Приняв все это во внимание, Фрунзе санкционировал: войска 4-й армии смогут начать самостоятельные действия не ранее 13 ноября Начдив и сам понимал: до полной готовности к штурму еще далеко. Выделенные Фрунзе 42-линейные пушки, 48-линейные и 6-дюймовые гаубицы — в пути. К вечеру может, и подтянутся, но пока… У Калмыкова сто́ящей переправы нет. Только перекинули настил по обгоревшим сваям моста, но заухали дальнобойные Врангеля, и все разнесли по бревнышку. Правда, комбриг и теперь твердит: «Ничего, выручит наплавной!» А как артиллерию, конницу и боезапас по бревенчатой нитке перекинешь? И все же время не ждет. О Блюхере, о всех остальных частях армии Корка помнить надо.

Расправив листки телеграфной депеши, Иван Кенсоринович принялся перечитывать ее и неожиданно чему-то улыбнулся.

— А отсрочки может и не быть, Степан Николаевич, — обратился к Богомягкову и с привычной горячностью заговорил:

— Да, Фрунзе и Лазаревич указывают, что пока самостоятельно на штурм идти нельзя. Это так. Одним рано и не по силам. А если вместе, если разом с частями Блюхера? Как тогда?.. Будь здесь Михаил Васильевич, верю, сказал бы: «Только сейчас и не иначе, только в часы, когда на Перекопе вновь наметился перелом к настоящему и полному успеху!»

Побывав в последние дни у самой линии огня, начдив с уверенностью говорил, что сегодня противник явно не тот, подавлен, растерян. Грязнов чутьем угадывал — момент решительных атак назрел.

— Я — за, — поддержал начдива комиссар Романов. — Садимся за приказ.

> «Еще вчера, — начал писать Богомягков, — части 6-й армии штурмом овладев укрепленными позициями на Перекопском валу, заняли Армянск и вышли на линию озерных дефиле на второй укрепленной полосе противника. Сегодня нашим войсковым наблюдением замечено, что артогонь на Перекопском направлении в течение дня удалялся к югу, что дает основания полагать, что 6-я армия и сегодня имеет успех в продвижении на Крымский полуостров».

— Приказываю, — возвысив голос, произнес начдив, — комбригам 90 и 89-й в целях разведки нанести короткий и сильный удар противнику На своих участках, в случае успеха развивая его в решительную операции по выходу на Крымский полуостров…

— Верно, в целях боевой разведки, — подчеркнул начальник штаба. — Против этого никто нам не возразит.

— Итак, — тряхнул головой Грязнов и твердо сформулировал завершающие строки приказа: — Подготовительную к удару работу произвести в полной скрытности от противника, самый удар нанести быстро, решительно и в полном взаимодействии. Начало операции в 2.00 11 ноября… О получении приказа и отданных в развитие его распоряжениях донести. Донесения через два часа.

Приказ за № 2088 был подписан в восемь часов вечера 10 ноября. Копии его ушли в бригады.

Ночью Богомягков коснулся плеча задремавшей начдива:

— Иван Кенсоринович, к прямому проводу вызывают.

Грязнов спустился в телеграфную, мельком глянул на часы: шли первые минуты новых суток. Подхватил с пола конец узкой ленты.

— Здравствуйте, товарищ Грязнов, — телеграфировал командарм Лазаревич. — Только что получил ваш боевой приказ… Как вы предполагаете организовать этот удар и почему, собственно, вы решили произвести его сегодня ночью, а не так, как было указано мною вчера?

Начдив уже собирался пояснить командующему, что он, вероятно, не обратил внимания на слова: «в целях боевой

разведки», но Лазаревич опередил его:

— Если преследуется только целью разведка, то я конечно, ничего против иметь не могу.

Опасения командарма вызывала вторая часть основного параграфа приказа. Он напомнил, что подготовка к наступлению, как в инженерном, так и в артиллерийском отношении, далеко еще не закончена и посоветовал «ограничиться более скромными заданиями чисто разведывательного характера».

Грязнов встревожился: если так, надо отменять приказы Калмыкова и Окулича. А может, все-таки довериться их инициативе? Прямого запрета командарм не высказывает и даже разрешает «в случае обнаружения полной слабости противника переходить в общее наступление». Разрешает! А эти слова: «от 6-й армии до сих пор сведений о занятии укрепленных позиций еще не получил». О чем они говорят? Да, армия не получила, но Окулич опять и опять передает, что канонада на Перекопе продолжает удаляться к югу. Нет, отступать от задуманного нельзя.

Метра два ленты сползли вниз абсолютно чистыми. Лазаревич давал время на обдумывание. Мысли роились, перебивали друг друга. Пора же и отвечать.

— Здравия желаю, товарищ командарм! Серьезная операция мыслится мною только при наличии высказанных вами пожеланий, но, так как предпринимаемые до сих пор разведывательные поиски не дали мне… — передохнул, оглянулся на Богомягкова и, перехватив его молчаливый кивок, рискнул сгустить краски, — не дали решительно никаких существенных материалов, а также учитывая некоторую подавленность противника, порождаемую нашими успехами на Перекопском перешейке, я решил произвести серьезную разведку боем, дабы проверить всю силу устойчивости противника, и буду удовлетворен, если мне удастся, овладев первой линией, закрепить небольшой плацдарм на Тюп-Джанкойском полуострове для целей будущей операции…

Ответ командующего обрадовал Грязнова:

— Вполне согласен с Вашим предложением, но только прошу держать меня в курсе дела и ориентировать телеграммами, не стесняясь даже вызовом меня к прямому проводу.

Командарм сообщил, что распорядится «только что прибывшему бронепоезду с 3 легкими орудиями немедленно отправиться на ст. Джимбулук»; «одной бригаде 23-й дивизии быть готовой к выступлению по первому требованию», а пяти аэропланам, если позволит погода, вылететь для разведки и бомбометания».

— Не помочь ли вам наступлением 9-й дивизии на Арбатской стрелке? Достаточно ли патронов? — поинтересовался Лазаревич и в конце разговора добавил:

— С открытием движения по железной дороге завтра могу прислать 500 пудов хлеба, 15 пудов чая и 50 пудов мяса.

— Это немного, — ответил Грязнов, — но для начала и это хорошо.

Телеграфист отстучал свое, и в аппаратной стало тихо.

Перейдя к телефонистам, Иван Кенсоринович распорядился:

— Запросите Калмыкова, какова обстановка?

Комбриг 89-й, не мешкая, доложил: 266-й полк — у переправы, 267-й — за ним, укрыт в окопах и щелях. Кононов в резерве. Артгруппа Сивкова готова открыть огонь.

— А с мостишком беда, — огорченно признался Калмыков. — Еще час назад был цел. Теперь разорван. Опять наращиваем звено за звеном…

— Дайте-ка трубку, — потребовал Грязнов, и уже обращаясь к тому, кто был на другом конце провода, проговорил:

— Расправляй усы, командир. Ничего не меняется. Действуйте!

Грязнов слышал, как Калмыков возбужденно продублировал своим командирам: «Все остается в силе, товарищи! Выполняйте приказ!»

И в трубку:

— Отбываю на переправу. За себя оставляю Марченко.

Ночь выдалась на редкость темной. Густой туман надвинулся с моря тоже кстати: щупальцы прожекторов не доставали до пролива, не высвечивали бойцов. Но морозный ветер пробирал до костей.

Первое сообщение Марченко передал в четвертом часу утра: саперы связали бревенчатой ниткой оба берега, полк Аронета пошел на переправу.

— Началось! — облегченно проговорил Грязнов.

Спустя полчаса ему уже была известна вся картина наступления.

— Степан Николаевич, запишите для передачи штарму. В 3.30 11 ноября части дивизии приступили к выполнению приказа № 2088. В целях боевой разведки производят короткий сильный удар по укрепленным позициям на крымском берегу. Два батальона 266-го полка закончили переправу. Третий — начинает. Потери от артогня не выяснены… А далее передавайте прямо так: по сосредоточении полка начнется артподготовка, за которой последует штурм укреплений противника.

Это донесение поступило к командарму почти одновременно

с телеграммой штаба фронта о занятии частями Корка Ишуньских позиций врангелевцев.

В 5.10 дивизионная артиллерия открыла огонь по первой линии Тюп-Джанкойских укреплений врага. Пробив проходы в проволочных заграждениях, орудия перенесли огонь в глубь неприятельской обороны. Бойцы рванулись вперед. Топорами, прикладами и штыками рвали «колючку», кидали на нее шинели и бежали дальше, к окопам врага.

Командир 266-го Коммунистического имени И. М. Малышева стрелкового полка В. А. Аронет. Впоследствии — полковник, преподаватель курсов «Выстрел».

За атакующим полком проворно поспевали телефонисты. По дну пролива проложили провода и в 6 часов 20 минут В. А. Аронет напрямую доложил на северный берег:

— Коротким штыковым ударом противник выбит из первой линии укреплений. На его плечах ворвались и во вторую…

С крымской стороны послышалось могучее красноармейское «ура». Калмыков пустил на переправу 267-й Горный полк, а 265-му приказал сосредоточиться в укрытиях у моста и быть готовым следовать за последней ротой Горного полка. Саперы к тому времени навели вторую нитку бревен. В 7 часов 20 минут последовал новый доклад командира малышевцев:

— Полк занял деревню Тюп-Джанкой и с боем продвигается дальше.

За действиями штурмующей группы с пристальным вниманием следил уже сам командующий Южфронтом Михаил Васильевич Фрунзе.

В шестом часу утра в активный разведывательный поиск включилась и бригада А. К. Окулича. Два батальона во главе с помощником командарма 268-го стрелкового полка Яковом Кривощековым овладели первой траншеей Таганашской позиции врага. Первоуральцы могли бы пробиться и дальше, но приданный бригаде тяжелый артдивизион еще не был готов к действенной контрбатарейной борьбе с врангелевской артиллерией.

С рассветом батальоны вернулись на свой берег. Однако их дерзкая вылазка не прошла бесследно. Приняв на себя всю мощь огня Таганашских батарей, бойцы Кривощекова облегчили продвижение авангардному полку бригады Калмыкова от Тюп-Джанкоя до деревни Авуз-Кирк.

Убедившись в том, что Чонгарское направление стало решающим, И. К. Грязнов приказал Окуличу оставить у Сивашского моста один батальон, а все остальные силы вести на переправу Калмыкова. Тогда же начдив связался с комбригом 88-й и сказал тому, чтобы и он направил на Тюп-Джанкойский полуостров Красноуфимские полки.

Создавая пробивной кулак в направлении главного удара, начальник дивизии не упускал из вида тех, кто остался у Сивашского моста. На помощь бойцам Кривощекова из резерва выдвигался 264-й Верхнеуральский полк В. И. Кузнецова.

К полудню свинцовые тучи перестали давить землю. Небо засияло удивительной синью. А вот положение наступающих изменилось в другую сторону. Полки первой линии, выйдя к высотам южнее Авуз-Кирка, неожиданно лишились огневой поддержки. Тотчас же запалили картечью полевые батареи Джандавлета, тяжелые орудия Таганаша начали перепахивать солончаковую пустошь. Красноармейцы залегли. Не успела врангелевская артиллерия замолкнуть, как с фланга саранчой налетели Донские офицерские эскадроны. Со штыками наперевес высыпали пехотинцы.

Бойцы 266-го полка поспешно перешли к круговой обороне. Врангелевцы с ходу рассекли батальон Михаила Зыкова и ринулись к пулеметам. За одним из них был сам комбат. Но и его очереди не сдержали бешеной лавы. Шашки взяли верх. Командирский «максим» замолчал, навеки замолк и первый герой зачонгарских разведок.

Над полком нависла угроза полного уничтожения. Кругом враги. Патронов мало. В этот тяжелый момент перед бойцами выросла знакомая фигура командира. Широко, словно для упора, расставив ноги, держа наготове маузер и шашку, Аронет твердо скомандовал:

— Патроны беречь! Стрелять только прицельно. Гранаты храните для ближнего боя!

Высоченный, в длиннополой незастегнутой шинели, в красной фуражке, заломленной на затылок, командир поразил всех своим невозмутимым спокойствием. Оторопь пропала. Каждый старался стрелять расчетливо. Но патронов становилось все меньше и меньше.

— Не паниковать! — гремел властный бас Аронета.

Неожиданно от Авуз-Кирка к передовой вынеслась запряженная парой гнедых бричка. Упряжкой правила девушка. Подлетев к бойцам, она резко осадила лошадей, повернула влево и принялась раскидывать ящики с патронами.

— Кому нужны? Разбирай!

Над головой свистели пули, близко рвались снаряды, но девушка словно не замечала их. Кто она, откуда? По чьему приказу кинулась в самое пекло? В горячке боя расспросить не успели.

Неимоверно тяжелыми были те часы и для соседей малышевцев-горняков. В начале контратаки командир 267-го полка Николай Петрович Шабалин был тяжело ранен. Недолго продержался в строю его первый преемник. Пули не пощадили и двух других. Тогда командование взял в свои руки адъютант Шабалина Николай Егоров. Приняв решительные меры, он остановил дрогнувших товарищей.

Уральские полки-ветераны не только устояли, но и отбросили контратакующих врангелевцев со своих позиций. Правда, к концу боя в батальонах насчитывалось только по 60—100 человек…

К вечеру на передовую линию вышли 265-й и 269-й стрелковые полки. Тогда же вступил в действие и мост, построенный саперами Михаила Калмыкова. Первыми по нему прошли патронные двуколки, затем артиллерия и 30-й конный полк. Положение Тридцатой на Тюп-Джанкойском полуострове стало прочным.

К исходу суток противник полностью утратил боевую активность. Завершив концентрацию сил дивизии на полуострове, Иван Грязнов отдал приказ: возобновить наступление.

В новых атаках особо отличились бойцы сивашской группы. Батальон Якова Кривощекова и посланный ему из резерва на помощь 264-й Верхнеуральский полк под командованием Василия

Кузнецова с наступлением темноты перешли мост и заняли обе стороны дамбы. Дальше двигаться было опасно: по железнодорожной ветке, протянувшейся на дамбе, курсировал врангелевский бронепоезд. Выждав, когда бронепоезд, завершив очередной визит к мосту, покатил обратно, бойцы двинулись за ним и незамеченными прошли всю дамбу. Чтобы отогнать бронепоезд дальше, в бой вступила артиллерия. Под прикрытием ее огня красноармейцы стремительным штыковым ударом овладели первой линией окопов.

Только батарейцы сделали перерыв, как бронепоезд снова двинулся к мосту мимо притаившихся бойцов. Красноармеец Федор Кузьмин первым смекнул, что нужно делать.

— Ребята! — крикнул он. — Выворачивай камни!

В кровь разбивая руки, бойцы вырывали камни из нижней части дамбы и по цепочке подавали их наверх. Не прошло и десяти минут, как на пути вырос широченный завал.

Израсходовав весь боезапас, бронепоезд начал осторожно пятиться. Перед завалом остановился. Первых солдат, вышедших на разведку, красноармейцы не тронули. Когда выгрузилась вся команда, с обеих сторон грянуло:

— Вперед! Бей беляков!

И батальоны с ходу ворвались на станцию Таганаш. Это было в три часа ночи 12 ноября.

На рассвете полки 30-й дивизии, не встречая больше сопротивления, свободным маршем двинулись по крымской земле, на Джанкой.

После всего пережитого, казалось бы, должна прийти и усталость, но бойцы и командиры были бодры: они с честью выполнили приказ Фрунзе. Республика могла гордиться Тридцатой.

Вместо эпилога

От Джанкоя 30-я дивизия повернула на юго-восток, к Феодосии. Конный корпус Н. Д. Каширина повел наступление на Керчь и уже 16 ноября 1920 года М. В. Фрунзе послал Владимиру Ильичу Ленину очень краткую и очень значительную телеграмму:

> «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован».

В Феодосии 30-ю стрелковую дивизию посетили командующий и члены Реввоенсовета 4-й армии.

— Отныне Красное знамя — знамя борьбы и победы реет в долинах и на высотах Крыма и грозным призраком преследует остатки врагов, ищущих спасения на кораблях, — сказал командарм Лазаревич, выступая на торжественном митинге. — Фрунзе особо отмечает героическую атаку вашей, 30-й стрелковой дивизии Чонгарских переправ. Честь и слава погибшим в борьбе за свободу! Вечная слава вам, творцы революции и освободители трудового народа!

Начальнику дивизии Грязнову, комиссару Романову и другим героям незабываемого штурма были вручены ордена Красного Знамени.

Позднее 30-я первой из частей РККА получила почетнейший титул — «имени ВЦИК». Ходатайствуя об этом, М. В. Фрунзе писал председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Михаилу Ивановичу Калинину:

> «Вам было угодно предложить мне назвать именем ВЦИК ту из дивизий фронта, которая проявит наивысшую степень доблести в боях с неприятелем. Прежде Вы надеялись, что такою должна стать 30-я стрелковая дивизия. Ныне я рад доложить, что надежды Ваши дивизия оправдала в полной мере…»[12]

Страна переходила к мирной трудовой жизни, но ее защитникам еще было рано выпускать оружие из рук.

На освобожденной земле Украины разбойничали банды Махно и других атаманов. Ликвидировать махновщину республика призвала и 30-ю стрелковую дивизию. И здесь Тридцатая проявила воинскую доблесть и героизм. За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с махновщиной командующий войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе наградил

И. К. Грязнова личным оружием — серебряной шашкой и револьвером.

На снимке (слева направо): командующий ВВС РККА Я. И. Алкснис и И. К. Грязнов — заместитель начальника Управления механизации и моторизации РККА.

В ходе завершающих боев молодой командир стал коммунистом, членом великой ленинской партии, борьбе за идеалы которой был верен на протяжении всех лет жесточайших военных испытаний, выпавших на долю Советской республики.

Осенью 1922 года двадцатипятилетний Иван Грязнов получил направление в Москву на Высшие академические курсы. Вместе с бойцами дивизии трудящиеся Приднепровья тепло проводили его.

> «Начало мирного строительства в Запорожской губернии связано навсегда с именем 30-й дивизии и Вашим, как ее славным героем-руководителем, — писали они в дарственной грамоте. — В этот период Вы, будучи членом губернского исполнительного комитета, своей энергией подняли и направили трудовой энтузиазм 30-й дивизии на борьбу с голодом, постигшим Запорожскую губернию, и на восстановление народного хозяйства, за что рабочие и крестьяне неоднократно выражали Вам

лично, чувства братской любви и благодарности».

Специальным постановлением губисполкома И. К. Грязнов был признан «стипендиатом Запорожской губернии на все время его пребывания на академических курсах». А в канун 5-й годовщины Великого Октября бывшая Крепостная улица г. Запорожья получила новое название — улицы имени начдива Грязнова.

После учебы Грязнов командовал стрелковыми корпусами в Украинском и Сибирском военных округах, а с ноября 1930 года исполнял обязанности помощника командующего Среднеазиатским военным округом. В приграничных районах вольничали басмачи. Опыт борьбы с махновцами пригодился.

В конце 1931 года Революционный военный совет отозвал И. К. Грязнова в Москву, назначив его заместителем начальника управления механизации и моторизации РККА. То было время создания нового рода войск Советских Вооруженных Сил — механизированных и танковых частей. Молодой военачальник с головой ушел в большую работу.

В 1933 году за заслуги перед Родиной И. К. Грязнов был награжден вторым орденом Красного Знамени. Это известие застало его уже в Чите.

Перевод в Забайкалье был ответственным. Партия и правительство призвали закрыть восточные границы республики Советов на прочный замок. На крайних рубежах страны эту задачу с честью выполняли бойцы Особой Краснознаменной Дальневосточной армии В. К. Блюхера. Рядом с ними на боевом посту стояли красноармейцы Забайкальской группы войск, командование которой и принял И. К. Грязнов.

Вновь Василий Константинович и Иван Кенсоринович оказались соседями. По старой доброй традиции между их частями развернулось боевое соревнование за быстрейшее возведение укреплений и коммуникаций, за успехи в учебе и службе.

Встречаясь друг с другом, командующие вспоминали родную Тридцатую и друзей по первым походам под красными знаменами.

В самой группе Грязнова среди командиров было немало бывалых тридцатников. В дом к Ивану Кенсориновичу наведывался Константин Рокоссовский и другие ветераны дивизии.

В ноябре 1934 года И. К. Грязнов был включен в состав Военного совета Народного комиссариата обороны СССР. В мае следующего года он назначается командующим только что

созданного Забайкальского военного округа, а несколько позднее получает персональное воинское звание «комкор».

С именем Грязнова связано немало начинаний, направленных на повышение оборонной мощи СССР. Но многие из этих дел завершить ему не удалось.

Его не стало 21 августа 1940 года, за десять месяцев до начала Великой Отечественной войны…

Сегодня мы проходам по улицам его имени в Красноуфимске и Запорожье, видим портреты героя в книгах и документальных фильмах, слушаем рассказы о яркой жизни полководца в музеях многих городов страны.

Свято чтут память об Иване Кенсориновиче Грязнове и нынешние его однополчане — воины гвардейской Иркутско-Пинской ордена Ленина дважды Краснознаменной орденов Суворова и Трудового Красного Знамени имени Верховного Совета РСФСР дивизии. Рожденная на Урале, прошедшая с запада на восток и с севера на юг фронты гражданской, давшая Родине в годы Великой Отечественной двадцать пять Героев Советского Союза — она по-прежнему в воинском строю, на боевой вахте.

В юбилейном для Советских Вооруженных Сил 1968 году Тридцатая отмечает свое славное пятидесятилетие. Всюду на пройденных дивизией путях — на Урале и в Сибири, в Крыму и на Кавказе, в степях Украины и белорусских лесах — жива память о ней, жива песня М. Светлова, которую певали наши деды и отцы:

От голубых уральских вод
К боям Чонгарской переправы
Прошла Тридцатая вперед
В пламени и славе.

Эта песня и о нем, о славном начдиве уральцев, об Иване Грязнове.

notes

Примечания

1

Т. И. Шевалдин впоследствии стал генералом Советской Армии, после Великой Отечественной войны был заместителем командующего войсками Уральского военного округа, умер в 1953 году.

2

«Красный набат», № 68 (154), 1 апреля, 1919 год.

3

М. М. Бабушкин проживает в поселке Арти, накануне 50-летия Великого Октября награжден орденом Красного Знамени.

4

Старшие сестры И. К. Грязнова — Анастасия Кенсориновна, член КПСС с 1920 года, и Анна Кенсориновна, член КПСС с 1919 года, — ныне персональные пенсионерки, живут в Свердловске.

5

В районе г. Седан во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. была разгромлена и пленена французская Шаланская армия.

6

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, ед. 1156, л. 91.

7

Приказ о назначении И. К. Грязнова начальником 30-й стрелковой дивизии был подписан 14 марта 1920 года.

8

А. К. Грязнов ныне полковник в отставке, проживает в г. Ялта.

9

В конце зимы 1920 года 1, 2 и 3-я бригады дивизии соответственно получили №№ 88, 89 и 90.

10

В 1921 году Дебора приехала с делегацией иркутян в дивизию и стала женой начдива. Ныне Д. А. Грязнова живет в Москве.

11

М. Д. Соломатин ныне генерал-полковник танковых войск в отставке.

12

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 444, 450.